1

Каждый день на Земле происходит множество событий самой разной значимости — от частных до эпохальных. Этот поток проходит через сознание и мгновенно забывается; в сите памяти застревает лишь то, что непосредственно затрагивает — лично человека или его ближний круг. Или всех людей; но это, к счастью, реже.

Тридцатое июня запомнилось Николаю двумя происшествиями, случившимися в разных частях света и между собой никак не связанными. Самым громким (в прямом смысле) был взрыв в жилом доме на Рождественском бульваре, напротив отеля «Наумов». Ничего интересного, если верить полицейским сводкам — взрыв бытового газа по вине жильца, снимавшего квартиру на третьем этаже. Виновник погиб, квартира полностью выгорела. Фотография зияющего оконного проёма на фоне почерневшей стены сутки висела на всех новостных порталах; через неделю о взрыве уже никто не помнил.

В первые дни жёлтые издания ещё пытались раздуть эту историю — лето не балует журналистов обилием горячих новостей. Писали, что бесследно пропала главная улика — ноутбук жертвы; намекали даже на украденный пароль к кошельку крипты. Но желающих обсуждать эту тему не нашлось — что бы ни хранилось на пропавшем диске, восстановить информацию не было никакой возможности. При такой температуре внутренности ноута спекаются в единый монолит; скорее всего, кто-то просто выбросил его, как ненужный хлам.

Второе событие произошло примерно в то же время. Но если в Москве это было утро, в Абакане стрелки знаменитых часов со стрекозой уже пересекли полуденную отметку. Николай с Макаром отдыхали на берегу Енисея после ночного дежурства. Смена выдалась напряжённой; впрочем, когда было иначе. На лёгкие задания их не посылали.

Николай дремал в тени, Макар загорал на гальке у самой воды. Внезапно из кустов выбежала пухлая блондинка в розовых шортах. Увидев друзей, она истошно завопила:

— Спасите!!! Спасите!!! Она тонет!!!

Макар приподнялся и увидел девушку, отчаянно барахтающуюся в волнах. Несколько судорожных взмахов — и её голова скрылась под водой. Макар резко вскочил, пробежал с десяток метров вдоль берега и бросился в реку. Он плыл наугад, но, видимо, рассчитал всё правильно — когда голова девушки вновь показалась на поверхности, между ними было не больше пяти метров. Макар преодолел их в два гребка.

Он попытался ухватить девушку за руку, но пальцы соскользнули, зацепив тонкую бретельку. Ткань натянулась, треснула, и голубой лифчик плавно исчез в глубине. Макар подхватил девушку под мышки и тут же оказался под водой. Он с ужасом понял, что если не бросит её прямо сейчас, то уже не сможет выплыть.

В ту же секунду какая-то сила потянула его вверх, к спасительному глотку воздуха. Макар повернул голову и увидел Николая. Вдвоём они вытащили на берег бесчувственное тело. Блондинка подбежала к подруге, упала перед ней на колени и стиснула пальцами шею, пытаясь нащупать пульс. Её губы задрожали, она повернулась к друзьям и обречённо выдохнула:

— Поздно… Умерла…

— Не может быть! — не поверил Макар.

— Мертвее не бывает! — всхлипнула блондинка. — Ни пульса, ни дыхания.

Макар впервые посмотрел на лицо утопленницы. Короткие крашеные волосы неестественно чёрного цвета прилипли ко лбу, бледная кожа на их фоне казалась мертвенно белой. Вокруг глаз тёмными кругами расплывалась какая-то косметика — то ли тушь, то ли тени; безжизненное лицо напоминало жуткую хэллоуинскую маску.

Блондинка склонилась над подругой, продолжая всхлипывать и причитать. Николай грубо оттолкнул её.

— Не ссать! На гражданке так быстро не умирают.

Он приподнял утопленницу, развернул спиной к себе, обхватил руками под грудью и резко сжал. Изо рта девушки хлынула вода вперемешку с рвотой; она опустилась на землю и зашлась в мучительном кашле. Макар присел и заглянул ей в лицо.

— Как ты?

Несколько секунд девушка смотрела на него пустыми глазами, ещё не до конца сознавая, кто она и что с ней. Но вскоре понимание вернулось. Лицо девушки порозовело, она дёрнулась, прикрывая руками обнажённую грудь.

— Это был ты?

Макар молча кивнул и тут же получил звонкую пощёчину. Он хотел что-то сказать, но Николай схватил его за локоть и потянул вверх. Макар поднялся и увидел, что блондинка достала из кармана телефон и уже готова запечатлеть отважных спасителей. Не самый уместный жест для нормального

человека; но для блогера с сетевой зависимостью вполне естественный. Видимо, и от друзей блондинка ждала привычной реакции — как бы невзначай демонстрировать себя, принимать эффектные позы, натянув на лицо отрешённо-мужественное выражение. Но тут она ошиблась; меньше всего друзьям хотелось бы засветиться в какой-нибудь девичьей инсте. Не сговариваясь, они подхватили одежду и мгновенно скрылись в прибрежном кустарнике.

2

Николай с Макаром сидели в кафе «Beverly Hills» на Рождественском бульваре. Друзья выбрали столик у окна, из которого был виден пустой оконный проём и обгоревшая стена. За стеклом пластиковая Мэрилин безуспешно пыталась бороться с ветром, задирающим её платье.

Негромко скрипнула входная дверь. Макар посмотрел на вошедших и замер. Николай оглянулся и увидел Кузю с Шаманом.

— Вот же кобель! — сказала девушка, обращаясь к своему спутнику. — Не упустит случая заглянуть под юбку, даже если жопа под ней пластмассовая!

— Это я выбрал место, — попытался заступиться за друга Макар.

— Ты ему веришь? — спросила Кузя Шамана.

Тот покачал головой.

— Ни единому слову! Но он молодец, прикрывает старшего.

— А вы что здесь делаете? — попытался сменить тему Макар.

— Видимо, то же, что и мы, — ответил Николай. — Ты же не веришь в такие совпадения?

— Это из-за вчерашнего взрыва? — уточнил Макар.

Кузя молча кивнула и подсела к столу. Шаман опустился на стул рядом с ней.

— Кто начнёт? — спросил Николай.

— Давай ты, — ответила Кузя. — Чем вас заинтересовало столь банальное происшествие?

— Своей банальностью, в первую очередь. В этом районе зафиксировано нарушение равновесия. Довольно мощный всплеск. Мы ожидали чего угодно, шабаша с расчленёнкой или массового жертвоприношения. Но бытовуха… С несчастным случаем этот всплеск никак не бьётся.

— Понятно, — кивнула Кузя.

— Теперь твоя очередь, — сказал Николай, — Вы-то как здесь оказались? Вы же, насколько помню, равновесие не отслеживаете?

— Правильно помнишь, — согласилась Кузя. — Мы здесь по другому поводу. Погибший был нашим человеком.

— В смысле? — не понял Макар.

— Агентом Элизиума. Работал под прикрытием.

— Вот это поворот! — не сдержался Макар.

— Неожиданно, — согласился Николай. — Но всплеска это всё равно не объясняет. И кстати, куда пропал ноутбук агента? Это ваша работа?

— Никуда он не пропал, — ответила Кузя, — мы вернули его уже через час. Но журналистам это неинтересно; о пропаже они хором орали, а о находке хором промолчали.

— Но вам-то зачем он понадобился? — спросил Николай.

Кузя удивлённо посмотрела на него.

— Не догадываешься? Мы же вместе изучали матчасть. Хорошая шифротехника состоит из софта и железа. Вот это железо мы и изъяли. В компе простого фрилансера оно смотрелось бы очень подозрительно. А нет железа — нет вопросов.

Все надолго замолчали. В наступившей тишине к столику неслышно подошла фигура в чёрном.

— Вот вы где!

3

Николай взглянул на незваную гостью. Большие карие глаза, острое лицо с проступающими скулами. Стройное тело, скрытое под бесформенной чёрной толстовкой. По-своему она была красива, хотя любители пышных форм вряд ли обратили бы на неё внимание.

В этой юной красотке с трудом можно было узнать вчерашнюю утопленницу. Кузя окинула её оценивающим взглядом и повернулась к Николаю.

— А что теперь скажешь?

Тот поднял ладони, защищаясь.

— Это к Макару.

Девушка отошла вглубь кафе, подхватила свободный стул и направилась обратно.

— Кто она? — спросила Кузя.

— Говорю же, это к Макару, — повторил Николай. — Его Мёртвая невеста.

— Мёртвая невеста? — переспросила Кузя. — Потому что её зовут Эмили?

— Нет, просто когда мы её встретили, она была на той стороне. Холодная и бездыханная.

Девушка протиснулась к их столику и с облегчением опустила тяжёлый стул. Повесила небольшой рюкзак на спинку и присела рядом с Макаром — так близко, что их колени соприкоснулись.

— Я вчера тебе задолжала. Хочу расплатиться.

Она положила ладонь на затылок Макара, притянула его к себе и поцеловала в губы.

Макар открыл и закрыл рот, не зная, что сказать. Наконец, выдавил:

— Как ты нас нашла?

Девушка пожала плечами.

— Очень просто. Наташка же успела вас сфотографировать.

— И?.. — спросил Николай.

— Я взломала сервер Абаканского аэропорта и отследила вас по камерам. Узнала фамилии и номер рейса. Прилетела в Москву и просканировала все заселения в гостиницы. Нашла вашу, стала обходить ближайшие заведения и наткнулась на вас.

— Действительно просто, — восхищенно сказал Макар и повернулся к Николаю. — Знаешь, мне нужен помощник.

— Вернее, помощница, — ехидно поправила Кузя.

— Вот только не надо гендерного шовинизма! — возмутился Макар.

— Остынь! — оборвала его Кузя. — А девушку ты спросил — нужна ей такая команда? Это мы уже ко всему привыкли; но ни одна мажорка не согласится разделить нашу неустроенность.

Николай накрыл ладонь Кузи своей ладонью.

— Возможно, ты недооцениваешь силу девичьих порывов. Макар же действительно спас её от смерти. А это впечатляет юных барышень, особенно если спаситель — кудрявый юноша с горящими глазами.

— Макар в самом деле её спас? — спросила Кузя. — Ты не преувеличиваешь?

— Однозначно! Барышня уже нахлебалась воды, когда наш герой подплыл к ней. Ловко сорвал с неё лифчик и так возбудился, что вцепился в бедняжку мёртвой хваткой. Так вдвоём они и пошли ко дну. Я кричу: «Брось её! Оба утонете!» А он как будто не слышит, только пузыри пускает. Думаю — плохо дело, надо вытаскивать друга. Выволок его на берег, смотрю — у него в руках мёртвая девица. Пришлось откачивать. Не для того мы шифровались, чтобы попасть в полицейские хроники.

— Врёшь ты всё! — сказала Кузя. — Не мог ты кричать: «Брось её!»

Николай нахмурился, как будто вспоминая вчерашнее.

— Может и не кричал. Это была вольная реконструкция.

4

Макар с надеждой посмотрел на друзей.

— Возьмём? Где мы ещё найдём такого хакера?

Кузя покачала головой.

— Не спеши. Я по поводу твоей Эмили ещё ничего не решила.

— Меня вообще-то Катей зовут, — возразила девушка. — И кстати, почему вы называете Тараса Макаром?

— Потому что он макаронник, — улыбнулся Николай, — сиречь пастафарианин.

— Правда?! — обрадовалась девушка. — Значит, сработаемся. А вы Николай?

— Он Полкан, — поправил её Макар. И пояснил:

— Во многих ситуациях ники удобнее имён.

— Полкан? Это потому, что… — девушка замешкалась, подбирая наименее обидное слово. — Потому что киник?

— Нет, — ответил Макар. — Потому что настоящий полковник. Но ход твоей мысли мне нравится. А это Кузя.

Он кивком указал на подругу Николая.

— Потому что Кузнецова? — предположила Эмили.

— Угадала! — обрадовался Макар. — Смит. Анна-Луиза. А этот брутальный мужчина — Шаман. Между прочим, самый настоящий. Имя его мне не выговорить, но поскольку других шаманов у нас нет, путаницы не будет.

Макар склонил голову набок и заглянул в глаза Эмили.

— Нам поручили одну очень важную работу. Интересную, хотя, возможно, и опасную. Я хочу, чтобы ты присоединилась к нам.

— Если опасную, то я участвую, — не раздумывая ответила Эмили.

Кузя недовольно посмотрела на Макара.

— А нас ты ни о чём не хочешь спросить? У нас, вообще-то, один хакер уже есть. И одна крезанутая чертовка тоже.

— Извини, — ответил Макар и повернулся к друзьям. — Ну? Что думаете?

— Я за, — ответил Шаман, — отследила она вас красиво, не подкопаешься.

— А у меня и выбора нет, — сказал Николай. — Мы в ответе за тех, кого вывели с той стороны.

Макар вопросительно посмотрел на Кузю.

— Ладно уж, — нехотя согласилась та, — пусть будет.

Она взглянула на Макара, улыбнулась и тихонько пропела:

— Эмили́! Утоли его печали, Эмили́…

— Кончай издеваться, — попросил Макар.

Его голос звучал обиженно, но было видно, что он по-настоящему счастлив.

— Катя! — сказал он. — Теперь ты одна из нас. Теперь ты Эмили.

Глаза девушки радостно блеснули.

— А чем вы занимаетесь?

— В основном спасаем мир, — ответил Макар.

— Правда? — не поверила Эмили.

— Так и есть, — подтвердил Николай, — спасаем мир. А иногда — для разнообразия — полуголых девиц.

— Полуголых?! — вскинулась Кузя.

— Я видел её только со спины, — поспешил оправдаться Николай. — Макар видел больше. Но он за это получил по морде.

— Серьёзно?! — Кузя не выдержала и прыснула.

— А что мне оставалось? — притворно возмутилась Эмили. — Он с меня лифчик стащил!

— С мёртвой?! Макар, да ты некрофил!

Теперь уже смеялись все. Люди за соседними столиками стали оглядываться. Николай встал.

— Нам пора. Договорим в другом месте.

5

Окна гостиничного номера выходили на Рождественский бульвар. Пустой оконный проём в доме напротив выглядел неуместно, как отсутствие переднего зуба во рту теледиктора. Макар подошёл к Эмили.

— Слышала о вчерашнем взрыве?

Девушка кивнула.

— Это был наш агент, — продолжил Макар. — Вернее, не совсем наш. Долго объяснять. Короче, нам надо понять, что же там случилось. В новостях пишут об утечке газа, но в такие совпадения никто из нас не верит.

— Введёшь меня в курс? — спросила Эмили. — Что вы выяснили?

— Пока ничего. Ты вовремя подошла, мы ещё даже не начинали.

— Так чего ждём? — спросила Кузя. — Самое время начать.

— Подожди! — прервал её Николай. — Подозреваю, за этим взрывом стоит что-то действительно серьёзное. Не пора ли нам вызвать Бестию?

Эмили повернулась к Макару и спросила шёпотом:

— Кого?

— Это наша знакомая чертовка, — прошептал в ответ Макар, — она своя в доску. Тебе понравится.

Кузя услышала их перешептывание и снисходительно посмотрела на Эмили.

— А ты думала, мир спасают святые в белых ризах? Может, иногда и такое бывает, но я об этом не слышала. У нас этим занимается всякая шушера

— пр́оклятые священники, натуральные черти и юные оболтусы вроде твоего знакомого срывателя лифчиков.

— Кузя, сколько можно! — взмолился Макар. — Я за это уже сполна получил!

Он потёр скулу, как будто та ещё хранила тактильную память о вчерашнем. Эмили возмущенно прошептала:

— Я же тебе всё компенсировала, разве нет?! Или ты недоволен?

Макар замотал головой, но ответить не успел. Николай поднял руку, призывая к тишине. Все замерли в напряжённом ожидании.

— Бестия! — позвал Николай. — Отзовись!

6

Он огляделся и заметил чертовку — та сидела на подоконнике, болтая тонкими ножками. Обычный приём мелкой нечисти, отработанный до автоматизма. Неожиданное появление перед неподготовленным профаном может надолго вывести его из равновесия; но подоконник — другое дело. Человек подумает, что просто какая-то странная тварь влезла в окно, пока он смотрел в другую сторону.

Приём сработал — Эмили не заметила внезапной материализации. Но ей хватило и вида чертовки — слишком знакомого по книгам и фильмам. Из привычного образа выбивались разве что короткие выбеленные дреды. Рот Эмили непроизвольно приоткрылся.

— Э-э… — прошептала она. — Так это всё правда?

— Нет! — раздражённо ответила Кузя. — Это Макар так к девушкам подкатывает. Соберись уже, Эмили! Подними челюсть с пола.

Чертовка спрыгнула с подоконника.

— Я смотрю, все в сборе? И даже с пополнением?

— Это Эмили, — представил Макар подругу, — не обижай её.

Бестия ухмыльнулась, показав острые клыки.

— Ещё одна пара? Да вы тут даром времени не теряете!

Она посмотрела на Кузю и Николая, сидевших рядом.

— А вы опять вместе? И что на этот раз?

— Нарушение равновесия, — ответил Николай, — как обычно.

Бестия насмешливо прищурилась.

— Точно? А почему мне кажется, что вы специально что-то замутили только для того, чтобы снова встретиться?

— Не суди обо всех по себе! — раздражённо ответил Николай.

— Нет, почему же, пусть судит, — возразила Кузя и повернулась к чертовке. — А что тебя удивило? У вас разве не так? Вы ведь с ангелами часто делаете одно дело, ваши цели почти всегда совпадают. Я понять не могу — почему вы до их пор не вместе? Зачем этот бесконечный спектакль вселенской борьбы?

Бестия мечтательно закатила глаза.

— Когда-то все мы были в одном лагере, — ответила она. — До Луки.

Кузя удивленно вскинула брови.

— Евангелиста?!

7

Чертовка громко хмыкнула, вопрос её изрядно позабавил.

— Нет, LUCA — ваш последний универсальный общий предок, сокращение от last universal common ancestor. Когда создавали белковых, долго спорили, какие мотивации вам программировать. Партия Элизиума настаивала, что в вашей базовой прошивке должен доминировать положительный тропизм, а партия Инферно считала, что это тупик, что развитие видов может обеспечить только отрицательный.

— Тропизм? — переспросила Кузя.

— Ответ на раздражение, — пояснила Бестия. — При положительном организм стремится к источнику раздражения, при отрицательном старается уклониться от него. Элизиум пытался запустить эволюцию, прошив положительный тропизм к свету одноклеточным предкам растений, а Инферно экспериментировал с опистоконтами. В итоге заработала только наша эволюция, хотя и не совсем так, как планировалось. Попытка Элизиума с треском провалилась, и их партия затаила обиду; они до сих пор считают, что это мы обрекли всех живых на страдания.

— Почему? — спросила Кузя.

— Потому что в результате такой эволюции все ваши органы чувств развились из болевых рецепторов. Все ваши мотивации растут из боли.

Кузя недоверчиво тряхнула головой.

— Не может быть! А как же «чистые животные удовольствия»?

— Заблуждение! — отрезала чертовка. — «Чистое» удовольствие может быть только растительным, тут вы с животными в одной лодке. А также с грибами и прочими эукариотами.

— То есть для Элизиума мы – порочная ветвь эволюции? Близкие родственники грибов?

— А чего ты ждала? Отрицательный тропизм — ваш первородный грех. Элизиум пытается привить вам стремление к свету, но никогда не забывает о грехе в вашей базовой прошивке. В их картине мира это неисправимый баг.

Кузя недовольно нахмурилась.

— Я всегда видела наш мир, как поле битвы между добром и злом…

— Потому что тебе нравилось видеть его таким! — перебила её чертовка. — Но на самом деле вас мотивируют боль и наслаждение, причём именно в таком порядке. Ангпроп, конечно, постарался, подчистил историю, сочинил красивый миф о битве добра со злом — специально для таких, как ты. Вот вы и ведётесь. Не замечая прорех в покрывающей версии, сквозь которые ясно видны базовые элементы.

— Какие? — спросила Кузя.

— А ты не догадываешься? — усмехнулась чертовка. — Что вам обещают в качестве посмертного воздаяния? Добро и зло? Нет, в документации чётко прописано — карой должна служить боль, а наградой — наслаждение.

Кузя прикусила губу и ничего не ответила. Макар оторвал взгляд от экрана ноутбука.

— Я читал, что сейчас ведутся опыты по созданию животных с фотосинтезом. Даже в живой природе горизонтальный перенос генов грибка позволил гороховой тле синтезировать каротиноиды. И у морских брюхоногих моллюсков что-то такое обнаружили. А теперь люди пытаются воспроизвести такой перенос у более развитых животных.

Кузя заметно напряглась.

— Ты намекаешь, что цель Элизиума — создание нового человека, способного к фотосинтезу? Осуществление давней мечты о мыслящей твари с положительным тропизмом, способной купаться в океане чистой растительной радости?

— Хотеть-то они хотят, — ответила Бестия, — да кто ж им даст! Это красная линия. Думаешь, Элизиум готов к Армагеддону?

— Но если бы могли, они бы это сделали? — спросила Кузя.

Чертовка усмехнулась половиной рта, приподняв верхнюю губу и блеснув белым клыком.

— Мечтать не вредно. Свой шанс Элизиум упустил, теперь поздно пить боржоми. Наигрались уже.

8

Кузю ответ чертовки явно не удовлетворил.

— Всё равно не понимаю. Зачем эти тёрки, если правитель всё равно у всех один?

— Кто-о?! — насмешливо протянула Бестия.

— Ну, самый главный. Экселенц.

Чертовка презрительно фыркнула.

— Главный! Скажи ещё — директор! Генералиссимус! Крёстный отец! Нет, всё-таки у вас, белковых, психология рабов. С намертво вшитой иерархией.

— Ты с темы-то не съезжай! — резко оборвала её Кузя. — Вы можете бодаться с Элизиумом хоть до скончания времён; но есть же тот, кто над всеми? Кто выше трёх миров?

— Есть, конечно, — нехотя согласилась чертовка, — только он уже давно ничем не управляет. Он не «правитель», как ты выразилась, скорее Deus otiosus[1]. Мы называем его абсолютным наблюдателем.

— Абсолютный наблюдатель? — переспросил Макар. — То есть идеальный? Чьё наблюдение не влияет на то, за чем он наблюдает?

Чертовка отрицательно покачала головой.

— Нет, так не бывает. Развести наблюдение и наблюдаемое невозможно, это единый неделимый феномен. К великому нашему сожалению. Ибо изначально мир был задуман как совершенный. И он стал бы таким, если б не эффект наблюдателя, который искажает оптимальные алгоритмы.

— Что значит «искажает»? — спросил Макар.

— Вносит помехи в естественный ход событий. Проще говоря, любое действие встречает сопротивление, которое обусловлено именно наблюдением. Ангпроп, конечно, и здесь подсуетился. Вам внушили, что

[1] Бог отдыхающий (лат.)

лишь творя добро приходится чем-то жертвовать, а злодействовать, наоборот, легко и приятно. Но это не так. Наблюдатель отслеживает всё, потому он и абсолютный.

— То есть весь этот бардак… — Макар широко развёл руки, как бы охватывая ими весь мир.

— Да, — ответила чертовка. — Сначала все думали, что эффект незначителен и им можно пренебречь. А оказалось… Сами видите.

— Любопытство кошку сгубило, — сказал Макар.

— Ничего личного, — возразила чертовка, — таковы законы мироздания, и мы должны их учитывать.

— И разгребать последствия, — добавила Кузя.

— И разгребать, — согласилась Бестия. — Кстати, а что сейчас разгребаем? Зачем позвали?

9

Николай вопросительно посмотрел на Кузю.

— Ты начнёшь?

Та кивнула и подошла к окну.

— Видишь пустой проём в здании напротив?

Чертовка не ответила, но ответ и не требовался — обугленную стену над зияющей дырой нельзя было не заметить.

— Там сидел наш агент. Он передавал экстренное сообщение, когда его взорвали.

— Успел передать? — спросила чертовка.

Кузя болезненно поморщилось.

— Нет. И всё из-за проклятой бюрократии! Наша программа шифросвязи не позволяет писать в окне сообщения, пока агент не заполнит чёртову кучу полей и не выставит все атрибуты шифрограммы — уровень срочности, уровень секретности, уровень потенциальной опасности, код получателя, код отдела обработки и т.д., и т.п. Штабным так удобнее. Им надо еженедельно отсылать статистические отчёты, вот они и решили облегчить себе жизнь. За счёт полевых агентов.

— Штабные везде одинаковы, — подтвердила чертовка. — Но хоть что-то ваш агент успел передать?

— Одно слово: «Палим»

— Кого палите? — спросила чертовка. — Есть какие-то соображения?

— Никаких. Нас с Шаманом послали сюда — разобраться на месте. А через несколько часов здесь появились и Полкан с Макаром. Но мы их не вызывали, если ты об этом подумала.

Кузя замолчала, и Николай шагнул вперёд.

— Нас послал сюда Счетовод. Здесь зафиксировано необъяснимое нарушение равновесия. Вернее, последний всплеск, который смогли отследить. Я не знал, что наши друзья будут тут.

— Понятно, — сказала чертовка. — Вы случайно столкнулись и решили объединить усилия. А потом вызвали меня.

— Всё так, — кивнул Николай. — Теперь наша команда снова в сборе. Можем начинать.

— Команда? — ехидно спросила чертовка. — И что, Кузя больше тебя не ревнует?

— А ты не провоцируй, — в тон ей ответил Николай.

10

Чертовка удовлетворённо хмыкнула.

— Хорошо, пусть будет команда. Тогда предлагаю начать с обмена информацией. Кто что накопал? Кузя?

Девушка пожала плечами.

— Да я уже всё рассказала, добавить почти нечего. Виктор Азаров, агент Элизиума, погиб при взрыве бытового газа. Ахайя считает это несчастным случаем. И то, что взрыв прервал отправку сообщения, для него тоже случайное совпадение. Отдел просто не хочет этим заниматься; бойца списали и забыли.

— Но вас ведь сюда послали, — напомнила чертовка.

— Для галочки. Протокол требует кого-то прислать. Но для Ахайи это пустая формальность, для себя он уже всё решил.

— А сама ты что думаешь?

— Я хочу во всём разобраться. Если секретный агент погибает от бытовых причин, это уже очень подозрительно. А если руководство не хочет ничего замечать и желает лишь побыстрей закрыть дело — это вдвойне подозрительней.

— Согласна, — кивнула чертовка. — Макар, а ты что скажешь?

Макар поднял глаза от экрана ноутбука.

— В открытых источниках ничего существенного. Несчастный случай, взрыв бытового газа. В то, что агент не заметил утечки, ещё можно поверить, хотя это и маловероятно. Но его смерть совпала с необъяснимым нарушением равновесия, а таких совпадений не бывает. Агента убили. И поэтому мы здесь.

— Чтобы расследовать убийство? — уточнила чертовка.

— Всё не так просто, — ответил Макар. — Обычное убийство качнуло бы равновесие очень предсказуемо. Но здесь случился необъяснимый всплеск. Счетовод подозревает, что это «убийство мандарина».

— Какого мандарина? — спросила чертовка. — Шатобриановского? Le bouton du mandarin?[2]

— Его са́мого, — ответил Макар и, пробежав пальцами по клавишам, прочитал с экрана, — *«Если бы ты мог одним твоим желанием убить человека, живущего в Китае, и, не покидая Европы, завладеть его богатством, да ещё был бы свыше убеждён, что об этом никто не узнает, уступил бы ты этому желанию?»*

11

Кузя недоверчиво нахмурилась.

— Вы это серьёзно? Кто-то мог убить человека одним желанием? Не прилагая усилий и не оставляя следов?

— Следы, положим, остались, — ответил Николай, — равновесие же качнулось очень своеобразно. Ничто не может пройти бесследно, эффект наблюдателя в том и состоит.

— Всё равно не верю! — сказала Кузя. — Слишком много допущений. Получается, что ваш убийца мандаринов должен был следить за агентом в реальном времени, понять, что тот хотел передать, и оборвать сообщение на полуслове, мгновенно вызвав утечку газа и взрыв. Как вы можете это объяснить?

— Пока никак, — ответил Николай, — но мы здесь как раз для этого.

— Есть у меня одна идея, — вмешалась чертовка.

Все молча уставились на неё, ожидая продолжения.

---

[2] Кнопка мандарина (фр.).

— Возможно, кто-то нашёл Книгу ответов.

— Что это? — Кузя обвела взглядом друзей. — Кто-нибудь о ней знает?

Знающих не нашлось.

— Лет триста назад я слышала легенду о Книге, открывающей возможности, — продолжила чертовка, — Но уже тогда в эту историю мало кто верил.

— Что значит «открывающей возможности»? — спросила Кузя.

Чертовка закатила глаза, то ли вспоминая что-то, то ли заново формулируя.

— Вот представьте — живёт на свете честолюбивый мальчик, участвует в школьной самодеятельности, мечтает сниматься в кино. Хороший мальчик, симпатичный, голосистый. Но таких симпатичных и голосистых легион, и все хотят того же. Ресурс чрезмерно избыточен; только один из них окажется в нужное время и в нужном месте. А вот где и когда — узнает тот, кто получит доступ к ответам из Книги. И дальше у него всё пойдёт как по маслу — роли, награды, контракты. Будет даже казаться, что старость над ним не властна…

— Это результат какой-то магической сделки? — спросила Кузя. — Пролонгированная молодость?

— Не обязательно, — ответил Макар. — Кинозвезда — это многомиллионный коммерческий проект. Перед тем, как в него вкладываться, непременно просчитают все генетические предрасположенности. Такая корова должна доиться как можно дольше.

— Не о том вы думаете, — сказала чертовка. — Но неважно, идею вы поняли.

— Поняли, — вздохнула Кузя. — Понять бы ещё, что с этим делать.

Николай протестующе мотнул головой.

— Ни черта я не понял! Прокаченная интуиция позволяет человеку оказываться в нужное время в нужном месте; в этом нет ничего сверхъестественного. Но способность видеть на расстоянии, предсказывать события, убивать силой мысли — это совсем другое. Это же реальное всеведение и всемогущество.

12

Чертовка посмотрела на него с сожалением.

— Что ж вы все такие зашоренные! То, что ты принимаешь за интуицию — простое везение. Тебе ли этого не знать! Вспомни, как призвали вашу команду. Вас отбирали по одному критерию — все вы были феноменально удачливыми. И распалась команда только после Одессы, когда лимит вашего везения был исчерпан.

— Ты намекаешь, что мы тоже заглянули в Книгу ответов? — спросила Кузя. — Лично я ничего такого не помню.

— Ангелы-херувимы! — выругалась чертовка. — Нельзя же всё понимать так буквально! Конечно, вы не сидели в библиотеке и не листали страницы древнего гримуара. По легенде, когда хтонь поднимается к поверхности и готова вырваться наружу, кто-то из Высших раскрывает Книгу ответов. И тогда скрытая информация становится доступной, хотя немногие смертные способны к ней подключиться. Вам повезло.

Николай упрямо нахмурился.

— Это не объясняет убийство агента. Знание, конечно, сила — но это сила в рамках возможностей. Человеческих возможностей, но никак не всемогущества.

— Полкан, — укоризненно сказала Бестия, — ты же боевой офицер, ты год ходил рядом со смертью. Вот и подумай, что срабатывает, когда пуля, летящая в тебя, проходит мимо? Твоя хвалёная интуиция? То, что ты, сам того не понимая, мгновенно считал ответ из Книги и непроизвольно уклонился — за миг до выстрела? Или это пуля изменила свою траекторию?

Николай недоверчиво посмотрел на чертовку.

— Беся, придержи коней, тебя явно заносит. Ты серьёзно считаешь, что в физическом мире можно мыслью отклонять пули?!

— Я считаю, что вопрос поставлен неправильно. Не важно, что срабатывает; важен лишь результат. Если снайпер промазал, это везение. Можно считать, что помогла интуиция и уклонилось тело, а можно — что какая-то сила отвела пулю. Всё равно проверить это невозможно.

— Что значит «невозможно»? — возмутился Макар. — Полёт пули легко просчитать, не вижу проблем…

— Ага, — кивнула чертовка, — и мы вновь вернёмся к эффекту наблюдателя, искажающему конечный результат. Тут та же ситуация, что и со взрывом газа на Рождественском бульваре — вы можете проанализировать все причинно-следственные связи и проследить ход физических событий. Можете получить строгое доказательство, что естественные причины не могли не привести к взрыву — именно там и именно тогда. Но можете ли вы

поверить, что момент взрыва случайно совпал с передачей сообщения агентом?

— Извини, Бестия, — сказал Николай, — но всё это звучит как-то неубедительно.

— А у тебя есть другие версии? — спросила чертовка.

— У меня есть, — внезапно подала голос Эмили. — Но за ними нам надо съездить в Питер.

13

Все удивлённо уставились на девушку.

— Мой двоюродный дед, Иван Ильич, работает в Эрмитаже, — пояснила Эмили, — однажды он рассказывал отцу о книгах, открывающих возможности. Но тогда я была слишком мала и ничего не запомнила.

— Летим в Петербург? — с надеждой спросил Макар.

Николай на секунду задумался.

— Слабая версия. Но других у нас всё равно нет. Заказывай билеты.

Макар достал ноутбук, полистал открывшиеся страницы и поднял голову.

— На «Сапсане» получится быстрее.

— Хорошо, пусть будет «Сапсан», — согласился Николай. — Возражений нет?

Возражений не было. С билетами повезло, и через несколько часов друзья уже были в Петербурге. Заселились в гостиницу и разошлись по номерам. Макар открыл сайт Эрмитажа и потерял счёт времени, переходя с одной веб-камеры на другую. Лишь услышав стук в дверь, он смог оторваться от экрана.

На пороге стояла Эмили в банном халате с логотипом гостиницы. Её мокрые волосы топорщились в естественном беспорядке.

— Я посижу у тебя немного? — попросила она. — Как-то грустно стало, слишком много воспоминаний…

— Да, конечно, — засуетился Макар, — присаживайся.

Второго стула в номере не было, и Эмили села на кровать. Макар уселся рядом. Он был готов провести так всю ночь, молчать и любоваться безупречно очерченным профилем. Но Эмили повернула голову и у него непроизвольно вырвалось:

— Ты красивая…

Девушка улыбнулась, но тут же нахмурилась.

— Если скажешь, что у меня красивая грудь — снова получишь по морде, — предупредила она.

— Не буду, — согласился Макар.

Эмили придвинулась ближе.

— Что, некрасивая?

Макар страдальчески поморщился.

— Тебе так хочется меня ударить? Ну, бей тогда. Всё равно… Она прекрасна. Я никогда не видел ничего подобного.

— И не увидишь, — сказала Эмили, — если будешь таким рохлей.

Она слегка распахнула халат. Грудь почти обнажилась, прикрытыми оставались только соски.

— Хочешь?

— А можно? — шёпотом спросил Макар.

— Если боишься получить по морде, то нельзя.

Макар осторожно развёл полы халата и ткань соскользнула с плеч Эмили.

14

В Эрмитаж друзья вошли через служебный вход. Иван Ильич о чём-то переговорил с охранником в будке, и тот коротко кивнул — проходите! Николай уже мысленно представил прогулку по роскошным залам Эрмитажа, когда оказался перед невзрачной лестницей, ведущей вниз.

Подземелье под Зимним разочаровало — он ожидал увидеть старинную каменную кладку, поросшую мхом и обагрённую кровью трёх столетий. Но мрачные переходы были скорее похожи на подземный командный бункер — грубые бетонные стены, редкие электрические лампы, километры каких-то труб и проводов. Изнанка дворца, его нижний мир.

На площадке перед развилкой стоял теннисный стол, за ним виднелась дверь в служебные помещения. Это явно не был кабинет учёного, здесь царил суровый минимализм казармы — скамьи без спинок, металлические шкафы, выкрашенные серой краской. Но Иван Ильич захотел говорить с друзьями именно здесь, и это не сулило ничего хорошего.

Сердитый сухонький старичок был явно недоволен внезапным вторжением в его налаженную жизнь, ему хотелось поскорее закончить разговор и выпроводить незваных гостей.

— Катерина! — без предисловий начал он. — Что хотят от меня эти молодые люди?

— Нам нужно узнать всё о Книгах, — ответила Эмили.

— Им не нужно это знать! — сердито возразил Иван Ильич, сделав упор на «им». — Есть вещи, о которых не стоит говорить кому попало.

Эмили обняла старика, прижалась к его плечу.

— Деда! Нам правда это необходимо, мы и в Питер приехали только поэтому. Сегодня это наша главная забота и, боюсь, уже не только наша.

— Забота… — задумчиво протянул старик. — Однажды Забота подобрала кусок глины, слепила человека и попросила Юпитера вдохнуть в него жизнь. Человек ожил, и стихии сошлись в споре — чей он? Он мой, сказала Земля, ибо создан из моей материи. Он мой, сказал Юпитер, ибо я вдохнул в него жизнь. Он мой, сказала Забота, ибо я создала его. В это время мимо проходил Сатурн, он и разрешил спор стихий. Ты, Земля, дала человеку тело — и это тело он вернёт тебе после смерти. Ты, Юпитер, дал ему дух — и после его смерти этот дух вернётся к тебе. Ты, Забота, создала человека — тебе и владеть им всю его жизнь…

Старик прикрыл глаза, прислушиваясь к какому-то внутреннему монологу.

— Хайдеггер, — узнал притчу Макар, — но он, кажется, ссылался на Гёте.

— А Гёте на Гердера, — продолжила Эмили.

— А Гердер на Гигина, — закончила Кузя.

Иван Ильич впервые посмотрел на друзей с интересом.

— А знаешь, Катерина, эти молодые люди, пожалуй, не совсем безнадёжны.

Эмили обиженно надула губы.

— Конечно! Я бы ни за что не привела сюда любопытных бездельников. Нам действительно очень нужна эта информация.

— Хорошо, — смягчился Иван Ильич, — расскажу вам одну старую легенду. Но за достоверность не ручаюсь.

15

Чертовка ждала друзей в номере гостиницы, изнывая от нетерпения. Едва они вошли, набросилась на них с расспросами.

— Ну как? Удалось что-то узнать?

— Информацией нас загрузили, — ответил Макар, — но в голове она ещё не уложилась. Надо подумать.

Чертовка погрозила ему кривым пальцем.

— Ты не юли! Задача у нас очень конкретная — найти убийцу мандаринов. Получилось?

— Херасе, конкретная, — проворчал Макар, — найти того, не знаю кого.

— Да что здесь непонятного?! — возмутилась Бестия. — Всё ведь лежит на поверхности. Агента Элизиума убили, когда он пытался передать экстренное сообщение. Значит, для кого-то оно представляло угрозу. Но её оперативно пресекли, сообщение оборвали на полуслове. Если мы узнаем, что хотел передать агент, мы найдём убийцу мандаринов.

— Если! — передразнил Макар. — Но как раз этого мы и не знаем!

— Ладно, — чертовка успокоилась так же быстро, как завелась, — тогда давайте по порядку. Что вам рассказал Иван Ильич?

— Если твоими словами, — начал Николай, — тогда примерно так. Представь — мальчик-лузер в агрессивной подростковой среде. Мальчишки его задирают, девочки игнорируют. У него прыщи, лишний вес, заметное косноязычие. Плюс вещи, донашиваемые за старшим братом и прочие атрибуты бедности. Периодически его посещают грёзы, которые Фройд назвал «фантазией двух семей». Мечты, что его родители на самом деле чужие люди, которым он был подкинут в младенчестве. А в действительности он принц, рождённый в богатой и влиятельной семье. И вдруг оказывается, что он и вправду принадлежит к богатому и знатному роду; у него красивое чистое лицо, спортивная фигура, бойкая речь. Сверстники уважают его, девушки бегают за ним, взрослые пророчат ему большое будущее. Что ещё может пожелать мальчик-теперь-уже-мажор? Стать вратарём известного футбольного клуба. Петь в рок-группе, собирающей толпы юных поклонниц. Поблистать на радио в качестве популярного ведущего. Выпустить ряд научных трудов — не естественно-научных, конечно, но и не совсем гуманитарных — по экономике и социологии. Что ещё? Может быть, стать президентом своей страны — не избавившись до конца от повадок и лексикона дворовой шпаны.

— Кажется, я знаю такого президента, — сказала чертовка.

Николай кивнул.

— Все знают. Вопрос в том, чего этот обиженный мальчик захочет, наигравшись в своё президентство. Власти над всей планетой? А представляете, что он может натворить со своим уровнем понимания мировых проблем?

— Я всё-таки не понимаю, — вмешалась Эмили, — если мальчик родился и вырос в бедной семье, как вдруг оказалось, что он родился в другой, влиятельной семье? Это же временной парадокс.

— Ты не поймёшь, — ответила чертовка. — Если дикарь знает лишь рациональные числа, бесполезно рассказывать ему про корень из минус единицы. На пальцах это не объяснишь, а в жизни он ни с чем подобным не сталкивался. Вы для нас такие же дикари — знакомы лишь с идеей рационального времени, но о мнимом времени и понятия не имеете.

— А ты всё же попробуй объяснить, — попросила Эмили.

Чертовка нахмурила мохнатый лоб, изображая работу мысли.

— Ладно, постараюсь упростить до двумерной модели. В рациональном времени настоящее, твоё здесь-и-сейчас, будет точкой на этой плоскости. Прошлое — сплошной линией, соединяющей точку рождения с твоим настоящим. Будущее — садом расходящихся пунктирных тропок. А в мнимом времени настоящее — это узел, из которого расходятся линии будущего и в который сходятся линии прошлого. Так понятнее?

— Нет, — ответила Эмили. — Это же абсурд.

Бестия удовлетворённо хмыкнула.

— Я ведь говорила, что вам этого не понять. Тут нужен вероятностный подход; вы и к материи едва начали его применять, а ко времени даже не приступали.

Все замолчали, возразить чертовке никто не мог. Внезапно Кузя звонко хлопнула себя ладонями по бедрам.

— Какая же я дура! Бестия была права, когда сказала, что сообщение оборвали на полуслове! «Палим» — это палимпсест! Агент хотел написать «палимпсест», просто не успел!

16

Все молча смотрели на Кузю, ожидая продолжения.

— Это же так просто! — сказала она. — Чертовка права, наше мышление действительно зашорено. Что первым приходит на ум, когда мы говорим о старинной книге? Инкунабула, печатное издание на пожелтевшей от времени бумаге. То есть текст, защищённый от перезаписи. Read-only. Но если Книга древней, чем мы думаем, то она, скорее всего, написана на пергаменте. А историю на пергаменте можно подтереть, исправить и в итоге получить совсем иной текст — палимпсест.

— Ангелы-архангелы! — выругалась чертовка. — Книга, которую можно править — это же…

— Интерактив, — подсказал Макар.

— Сам ты интерактив! — огрызнулась чертовка. — Это Книга судеб!

Николай побледнел.

— Она что, действительно существует? Это не миф?

— Так говорят, — пожала плечами чертовка.

— В Академии ходили слухи, что Книга судеб написана кровью на человеческой коже, — сказал Николай. — Если это правда, то кто-то прямо сейчас вскрывает вены юной девственнице, чтобы переписать свою судьбу.

— Поповские сказки! — отмахнулась чертовка. — Но Кузя права, единственная версия, которая всё объясняет — это палимпсест.

Макар недоверчиво покачал головой.

— Вы серьёзно?! Считаете, что в двадцать первом веке кому-то может прийти в голову идея скрести древний пергамент?

— У тебя есть другая версия? — спросила Кузя.

Несколько секунд Макар молчал, собираясь с мыслями.

— Я считаю, что Книга судеб не могла появиться ниоткуда, сама по себе, — сказал он наконец. — Если она действительно существует, у неё должен быть автор. Некое существо… Или даже не существо, а некая экзистенция. Автор ведёт свой проект, апдейтит, фиксит баги. И периодически переносит его на новый носитель. Когда-то это были наскальные рисунки, потом глиняные таблички, папирус. Носители, защищённые от перезаписи; «что написано пером — не вырубишь топором». Но, начиная с четвёртого века, пергамент уверенно вытеснил все прочие носители — и в какой-то момент фальсификация истории достигла критического уровня. Автору пришлось импортировать свой проект на бумагу, вновь защитив его от перезаписи. После этого долгое время никто не

мог переписать свою судьбу, стерев все природные и социальные ограничения.

— А сейчас?.. — спросила Кузя.

— А сейчас, видимо, это файл. И, судя по всему, какой-то читер уже нашёл его и активно правит.

17

Николай подумал, что Макар, скорее всего, прав. Но если это так, придётся признать, что перевод Книги судеб в цифру был не самой лучшей идеей. Подтирать пергамент — работа нудная и кропотливая; семь раз отмеришь, прежде чем взяться. А цифру править легко — «как два байта переслать». Неудивительно, что фальсификация истории сегодня уже зашкаливает.

— И где нам искать эту Книгу? — спросила Кузя.

Макар пожал плечами.

— Могу предложить два варианта. Или в низком даркнете или в высоком облаке.

— Не выпендривайся! — осадил его Николай и пояснил друзьям. — Это у нашего хакера любимая фишка. Недавно он мне втирал, что винда — богоугодная ось, ибо у неё на рабочем столе иконки. А линукс — бесовская, ибо там работают демоны.

— Даймоны, — поправила Кузя.

— Думаешь, для него есть разница? Это же ЕГЭ-поколение; дети, воспитанные гаджетами.

— Поколение, которое шарит в высоких технологиях, — вступилась за друга Эмили, — в отличие от вас.

Чертовка презрительно фыркнула.

— Сколько бы вы ни шарили в своём даркнете, Книгу вам не найти. Вы просто не знаете, как к этому подступиться.

— А ты, можно подумать, знаешь, — огрызнулся Макар.

— Знаю, — кивнула чертовка. — Это же элементарно.

— Так поделись.

— Главное мы уже выяснили — кто тот читер, который сейчас правит файл. Осталось взять его за жабры и вытряхнуть из него всю инфу.

— Президента?! — Николай не поверил своим ушам. — За жабры? Да охрана нас в капусту покрошит на самом дальнем подходе!

Чертовка развела руками.

— А по-другому не получится. Хотя вы можете попробовать, у вас ведь теперь в команде два кибер-гения. Но потом всё равно придётся вернуться к моему варианту.

— Мы попробуем, — пообещала Кузя. — Придумала тоже — выкрасть президента! Это попахивает третьей мировой!

— Оставлять в его руках Книгу судеб — вот что попахивает третьей мировой, — возразила чертовка.

18

На следующий день команда переехала в Сестрорецк. В тихом курортном городке можно было заняться инет-серфингом, не отвлекаясь на соблазны мегаполиса. Николай снял трёхкомнатную квартиру на окраине и договорился о подключении широкополосного интернета.

— Вечером можем начинать! — сообщил он друзьям.

Макар отвёл его в сторону.

— Я не хочу, чтобы Эмили участвовала в этом проекте.

— Почему? — спросил Николай.

— Ты же помнишь, с чего всё началось. Никто не искал Азарова, не следил за ним в реальном времени. Никто не хотел его убивать. Это Книга решила, что он должен исчезнуть — как только он стал представлять угрозу для нашего читера. И я не хочу, чтобы то же случилось с Эмили.

— Я всё понимаю, — сказал Николай, — но согласись, принять план Бестии и лететь в Аргентину — это гарантированное самоубийство. Там даже вмешательства судьбы не потребуется, президентская охрана отработает строго по протоколу.

Макар огляделся и понизил голос.

— Я же не предлагаю всё бросить. Я займусь читером, а Эмили поручим что-то другое.

— Что другое?! Вышивать крестиком?! Варить борщи и стирать носки гениального хакера?! Ты это хотел мне предложить?!

Разъярённая Эмили вылетела из глубины коридора и набросилась на Макара; её щёки раскраснелись, голос звенел от гнева.

— Ты всё не так поняла! — попытался оправдаться тот.

— Заткнись! — заорала на него Эмили. — Всё я поняла! Спасать мир — мужская забота; а бабье дело — раздвигать ноги!

— Да нет же, всё не так! — Макар тоже перешёл на крик. — Я только хотел сказать, что надо не просто найти слабое место читера, надо сделать это анонимно. Стоит неосторожно приблизиться — и охраняющая его сила нажмёт на «кнопку мандарина».

Эмили скривила губы в язвительной усмешке.

— А дура-баба не умеет шифроваться и завалит всю операцию?!

Макар устало вздохнул.

— Всё ты умеешь. Но ты безбашенная, сама ведь знаешь.

И тут же поспешил добавить:

— В хорошем смысле.

— Пошёл ты! — Эмили развернулась и зашагала к выходу.

У дверей на миг задержалась и бросила через плечо:

— Спать будешь на кухне!

19

Эмили скрылась в комнате и через минуту выставила за дверь рюкзак, который Макар даже не начал разбирать.

— Первая семейная ссора, — прокомментировала чертовка.

Она стояла посреди коридора, скрестив на груди мохнатые лапы. Сюда же подошли и Кузя с Шаманом, привлеченные шумом перепалки.

— Отлучили от тела? — спросила Кузя.

Макар обиженно насупился.

— И ты туда же!

— Привыкай! — наставительно сказала чертовка. — Белковые самки — они такие.

Кузя взяла Бестию за плечи, развернула и вытолкала на кухню. Затем подошла к Макару.

— Не обижайся. Но ты ведь не думал, что это надолго?

— Почему?

Кузя помолчала, выбирая слова помягче.

— Она не наша. Скучающая мажорка, ищущая экстрима. Ты для нее — летнее приключение, развлечение на пару месяцев. Но в сентябре каникулы закончатся, и ей придётся вернуться к нормальной жизни. Да и родители запаникуют, если она вовремя не появится.

— Эмили нигде не учится, — возразил Макар. — И от родителей она давно съехала. Её никто не ждёт.

— Понятно, — вздохнула Кузя. — Ладно, не переживай, вечером я поговорю с ней.

— Поговори, пожалуйста, — попросил Макар, — только не забудь. Она такая…

В свою комнату Кузя вернулась ближе к полуночи.

— Как там наша молодёжь? — спросил Николай.

— Бранятся и тешатся. Детский сад, честное слово.

— Эмили, кажется, сильно обиделась?

— Да, она всё принимает слишком серьёзно. Мы поговорили — и знаешь, она, похоже, увидела во мне что-то материнское. Хотя я ни сном, ни духом…

Кузя с тревогой посмотрела на Николая.

— Скажи, я действительно такая старая?

— С ума сошла?! — возмутился Николай.

Он прижал Кузю к себе и упал спиной на кровать.

— Ты же моя девочка. Навсегда.

20

Прошло три дня. Поиски в инете не дали результата. Эмили всё так же не разговаривала с Макаром. Вечером друзья собрались на кухне, Кузя разре́зала пиццу с поставила тарелку в микроволновку. Макар украдкой взглянул на Эмили и тут же обругал себя — не стоило этого делать. Чтобы скрыть смущение, он достал смартфон и принялся листать новостную ленту.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Николай.

— Всё как всегда, — ответил Макар, — любовь зла.

Он положил смартфон на стол. На экране улыбчивая блондинка модельной внешности прижималась щекой к лысине розовощёкого толстячка.

— «Нашла свою любовь», — прочитал Николай. — И кто этот счастливчик? Богатенький буратино? Владелец заводов, газет, пароходов?

Кузя подошла к столу и взглянула на экран.

— Отнюдь. Обычный бухгалтер из Выборга. Выиграл в лотерее «Русское колесо». Первый приз; действительно, счастливчик.

— Позвольте! — Эмили взяла смартфон и прочла заметку до конца. — Да это же наш клиент! Четыре крупных выигрыша в лотереях. Две автоаварии, одна железнодорожная – и ни единого перелома, всегда отделывался лёгкими телесными. Он счастливчик в самом прямом смысле!

— Не думаю, что наш, — возразил Николай. — Похоже, он действительно имеет доступ к Книге ответов; но нам-то нужна Книга судеб.

— Возможно, эти книги как-то связаны, — поддержал подругу Макар. — В работе у нас сейчас всё равно затык, так почему бы не заехать в Выборг. Это же совсем рядом.

Он взял смартфон из рук Эмили и нашёл расписание.

— На «Ласточке» от Финляндского чуть больше часа.

— Я согласна, — сказала Кузя, ставя на стол тарелку с пиццей. — Если ничего не найдём, так хоть развеемся.

Эмили взяла горячий кусок и закатила глаза, изображая неземное блаженство.

— Интересно, а как этот счастливчик угадывал цифры? Они ему снились, как Менделееву?

— Это просто, — ответила Кузя, — всё как-то само собой получается. Когда в Элизиуме готовили нашу команду, одним из экзаменов была игра в казино.

— И как? — спросила Эмили. — Выиграли?

— Легко! — ответила Кузя. — Уйти с деньгами было труднее. Но мальчики справились.

— Круто! — восхитилась Эмили. — А выпускным экзаменом у вас, видимо, была русская рулетка?

Николай, Кузя, Шаман и Макар молча переглянулись. Эмили испугано уставилась на них.

— Что?! Я угадала? Вы действительно стреляли себе в голову?!

— В рот, — уточнил Макар. — Джел сказал, что стреляющий в висок может промахнуться.

— И какие у вас были шансы? — спросила Эмили, всё ещё не решаясь поверить услышанному.

— С той нашей удачей совсем неплохие.

— А точнее?

— Шесть камор в барабане, две пустые, четыре с патронами. Сегодня, конечно, я бы не стал играть в такую игру.

Эмили возмущённо всплеснула руками.

— Да это же не экзамен, а вид самоубийства! И что, у всех гнёзда оказались пустыми?

— У всех, кроме меня, — ответил Николай. — У меня случилась осечка, но её тоже зачли за удачу.[3]

21

На следующий день команда отправилась в Выборг. Судя по соцсетям невесты счастливчика, пара собиралась ужинать в «Славянской трапезе». Друзья пришли туда пораньше, чтобы занять место за угловым столиком. Николай прошептал что-то себе под нос, и на пустом стуле в тёмном углу материализовалась чертовка. Эмили вздрогнула и тревожно огляделась — ни один из посетителей не смотрел в их сторону.

— Её что, никто не видит?

— У неё есть скилл отвода глаз, — шёпотом ответил Макар, — на Акишме он здорово помог Полкану.[4]

— Понятно, — кивнула Эмили и повернулась к чертовке, — не поделишься алгоритмом?

— У тебя не получится, — усмехнулась Бестия, — но ты особо не радуйся, с возрастом оно само придёт.

В ресторане уже не осталось свободных мест; разговоры за столиками становились всё громче, позы всё свободнее. Казалось, успешные менеджеры стараются как можно скорее забыть постылый офисный морок.

На другой стороне зала предавался излишествам пухлый счастливчик. Модель сидела рядом, настороженно разглядывая посетителей.

---

[3] Эта история описана в первой книге серии «Хтонь».

[4] Эта история описана во второй книге серии «Хтонь».

— У неё в ушах ведь не бижутерия? — спросил Николай.

— Скажешь тоже! — усмехнулась Кузя. — У неё в ушах половина выигранного приза, причём бóльшая половина. Дамочка времени зря не теряет.

В это время в зал вошёл новый посетитель, помятый и, похоже, уже успевший изрядно набраться. Он уверенно направился прямо к столику счастливчика.

— Санёк! Дружище! Как я рад!

Он раскинул руки, намереваясь обнять друга. Но модель подала знак здоровяку с соседнего столика, и тот встал, преграждая дорогу незваному гостю.

— Санёк! — посетитель сделал ещё одну попытку, но здоровяк схватил его за запястье и крепко сжал.

Гость крякнул и слегка присел. Телохранитель вопросительно посмотрел на блондинку.

— Вон! — коротко приказала она.

Здоровяк развернул гостя и вытолкал его из зала. Чертовка выглянула из тёмного закутка и восхищённо прищёлкнула языком.

— Доминирующая самка!

— Да, на содержанку она не похожа, — согласилась Кузя.

Чертовка удивлённо посмотрела на неё.

— Она и не содержанка. Она белая вампиресса.

— А есть разница?

— Ещё какая! Содержанки чуют запах денег, а вампирессы — запах удачи. Содержанка высосала бы все его бабки и свалила, а вампиресса будет выдаивать его удачу. До последней капли.

— Заставит играть в лотереи?

— И в лотереи тоже. Пока удача не выдохнется и не начнётся откат. Тогда вашего пухляша, скорее всего, грохнут местные братки.

— Всё ясно, — сказал Николай. — Назовём эту операцию «Спасти рядового Пухляша».

— А оно нам надо? — спросила Эмили. — Пухляш ведь сам виноват, он сам выбрал эту стерву.

— Он не виноват, — возразила Кузя, — у него просто не было возможности защититься. С мужчинами такое бывает.

— Не обобщай, — попросил Николай, — мы разные.

— Так что решили? — спросил Макар.

Николай обвёл взглядом друзей.

— У нас два варианта. Или мы делаем доброе дело и спасаем человека, или получится, что мы зря потратили время. Первый вариант мне нравится больше.

22

Вечером друзья собрались в номере гостиницы «Saimala». Эмили и Макар раскрыли ноутбуки.

— Начнём, — сказал Николай. — Эмили, на тебе Пухляш. Что, где, в чём сейчас участвует. Всё, что сможешь достать.

Девушка застучала по клавишам.

— Есть! Наш Пухляш заполнил цифры в лотерее «Счастливый билет». Это местная контора, призовой фонд, — Эмили презрительно скривилась, — два миллиона, первый приз — миллион. Мелочится вампиресса.

— Вот же стерва! — не сдержалась чертовка. — Нельзя так частить с удачей. Обломайте эту сучку.

— Сейчас сделаем, — пообещал Николай. — Эмили, можешь поменять цифры в билете Пухляша?

— Без проблем, — отозвалась девушка. — Но если я правильно поняла механизм удачи, Пухляш после этого всё равно выиграет. Только уже с новыми цифрами.

Николай задумался.

— Да, похоже, ты права. Макар, можешь хакнуть сервак «Счастливого билета»?

— Уже работаю.

Через несколько минут Макар поднял голову.

— Готово! Но есть проблема.

— Какая? — спросил Николай.

— Чтобы всё получилось, нам надо поменять цифры в билете Пухляша уже после того, как «Счастливый билет» объявит результаты розыгрыша.

— Логично, — кивнул Николай. — Удача нагибает вероятности, но она бессильна против уже случившийся реальности.

— Вот именно! — продолжил Макар. — Когда появятся результаты, нам придётся на минуту отрубить «Счастливому билету» выход в инет.

— Это я могу, — сказала Эмили. — Но ведь заметят, вой поднимется до небес. Тысячи людей будут сидеть у экранов и смотреть на часы, ожидая розыгрыша. Эта минута покажется им часами.

— Никто ничего не заметит, — пообещал Макар, — Я уже открутил время на игровом сервере на минуту вперёд. Игроки увидят результаты вовремя. Главное, нам успеть поменять цифры за минуту.

Эмили презрительно хмыкнула.

— Десять раз успею. А куда пристроим счастливую комбинацию?

— Хороший вопрос, — сказала Кузя. — Макар, можешь посмотреть список игроков? Кто там самый статусный? Хорошо бы осчастливить одного из замов мэра или зама начальника ГУВД, или кого-то такого же ранга. Для них, конечно, лимон не деньги; но народ очень любит подобные совпадения. В Выборге потом неделю только об этом будут говорить.

23

На обратном пути в вагоне «Ласточки» Макар просматривал местные новости.

— Бросила вампиресса Пухляша, — сообщил он друзьям. — Ушла к более удачливому сопернику.

— Не к заму ли мэра? — спросила Кузя.

— К нему, родимому.

Эмили оторвалась от своего планшета.

— А мы не должны его спасать? Вдруг он честный человек?

— Зам-то? — хмыкнул Макар. — И честный?

Но на всякий случай снова залип в телефоне.

— Нет, — сказал он наконец, — спасать зама не стоит, на нём клейма негде ставить. Надеюсь, эта белая стерва быстро доведёт его до цугундера.

— Стерва? — спросила Эмили. — Неужели она тебе не понравилась? По-моему, она неотразима.

— Неотразима, как же, — отозвался Макар, — в зеркалах.

— Нет, как женщина, — пояснила Эмили. — У неё такая роскошная грудь…

Макар беспомощно посмотрел на подругу.

— Я попал, да? Что бы я сейчас не сказал, всё равно окажусь подлецом и дураком?

Все засмеялись.

— Попал, — подтвердил Николай, — как и все мы. А кто из нас не попал, пусть первым кинет камень в бедного Пухляша.

Макар тяжело вздохнул.

— Кажется, я его понимаю. Он надеялся, что новая спутница дарована ему источником его вечного везения; что она — очередной приз, может быть, самый главный приз в его жизни. Но она оказалась палачом его удачи.

— А не надо было так относиться к женщине! — сказала Кузя. — Приз он выиграл, статусную вещь! Это же объективизация — так, кажется, сейчас говорят?

Она вопросительно посмотрела на Эмили.

— Сексуальная объективизация, — подтвердила девушка. — Но тут, похоже, обе стороны виноваты.

— А страдает всегда одна, — сказал Макар.

— Все страдают, — возразила Эмили. — Ладно уж, попаданец, можешь сегодня перетащить свой рюкзак обратно.

24

В Сестрорецке Эмили и Макар снова поругались. Только ночь и продержались, на бóльшее их не хватило.

— Достало уже вас мирить! — сказала Кузя. — Дальше разбирайтесь сами. И уясните, наконец, чего же вы на самом деле хотите.

— Знаю я, чего он хочет! — Эмили развернулась и скрылась в комнате, с силой хлопнув дверью.

— Вы бы придержали свои гормональные качели, — попросил Николай. — Одно ведь дело делаем.

— Это наши проблемы! — огрызнулся Макар. — На работе они не отразятся.

— Мне кажется, — спокойно продолжал Николай, — что ты не совсем понимаешь наши задачи. Нам не нужна дополнительная информация о Хавьере; её и в открытых новостных лентах с избытком. Во всяком случае, более чем достаточно, чтобы подтвердить теорию о его доступе к Книге судеб.

— А что же тогда мы ищем? — спросил Макар.

— Пока не знаю. Но когда мы подойдём близко, по нам жахнет. Это и будет означать, что мы что-то нашли.

— Что значит «жахнет»? — насторожился Макар.

— Говорю же — не знаю. Может, электричество отключат. Или интернет. Сосед сверху зальёт квартиру, местные братки наедут, полиция придёт с проверкой — да мало ли что может случиться. И, подозреваю, чем ближе мы подберёмся к Книге, тем сильней по нам жахнет. Поэтому нам лучше держаться вместе. Ваша детская грызня сейчас совсем не ко времени.

Макар нахмурился.

— Понятно. Отрицательная обратная связь. Хороший способ сужать круги. Но есть две проблемы.

— Какие же?

— Первая — локация. Твой способ идеально сработал бы в какой-нибудь Швейцарии. Но мы в России. Здесь нас могут обесточить или залить без всякого внешнего вмешательства; здесь это и так постоянно происходит. Как ты собираешься различать, где случайность, а где рука судьбы?

— По-твоему то, что случилось с Азаровым, похоже на случайность? — ответил Николай вопросом на вопрос.

— А это вторая проблема, — сказал Макар. — Если мы подберёмся к Книге так близко, что кому-то на том конце придётся нажать «кнопку мандарина», то оценивать результат будет уже некому.

Николай прислонился к стене. Казалось, он как-то обмяк и даже стал ниже ростом.

— Всё так, ты кругом прав. Но пока я не вижу других способов приблизиться к Книге. Поэтому прошу ещё раз — помирись с Эмили. Для её же безопасности.

Макар дёрнул плечом.

— Как будто я хочу с ней ругаться! Но она… Я понять не могу, чего она хочет. Может, ты скажешь?

— Того же, что и все, — ответил Николай. — Простого человеческого счастья.

— Это как?

— Как живут обычные люди. Утром уходить туда, где ты нужен, вечером возвращаться туда, где есть кого любить.

— Это не для нас, — вздохнул Макар. — Но излагаешь ты красиво. Буду записывать твои изречения в отдельный файл. И назову его «Евангелие от Полкана».

25

Макар зачерпнул ладонью горсть песка и пропустил горячие струйки между пальцами.

— Дежавю, — сказал он, — мы снова сидим на берегу…

— Только здесь ты никого не сможешь спасти, — улыбнулся Николай. — Это же залив; тут, чтобы утонуть, нужно зайти очень далеко.

Макар снял тёмные очки и посмотрел на друга.

— А ты знаешь, что Хавьер собирается легализовать торговлю человеческими органами? Для страны третьего мира это означает «Органы на экспорт». Открытым текстом. И контрольным в голову — отмена пенсий и субсидий, чтобы у социальных низов других вариантов не осталось. Я не понимаю, как люди могли за такое проголосовать?

— Это все знают, — ответил Николай. — Вернее, все знали, пообсуждали, повозмущались положенный срок и благополучно забыли. А ты поэтому решил отойти подальше от дома? Боялся, что после такого откровения на нас упадёт метеорит величиной с автобус?

— Считай, что в Книгу ответов заглянул. Бережёного она бережёт.

— Ерунда! — сказал Николай. — Я читал программу Хавьера, там и без торговли органами безумия хватает. Его бы никто не поддержал, если бы не Книга судеб. Но заметь — всё это на виду, в открытом доступе. Ты не там копаешь.

— Почему? — спросил Макар.

— Потому что это общеизвестно. И ещё потому, что Азарова не тронули, когда он нашёл что-то действительно важное. Его остановили лишь когда он попытался передать эту информацию тем, кто мог что-то изменить.

Макар снова надел тёмные очки.

— Жаль мужика, напрасно погиб. А ты думаешь, у нас может что-то получиться? Если Книга судеб всесильна и все попытки противостоять ей пресекаются на корню, на что мы можем надеяться?

— На то, что Азаров погиб не напрасно, — ответил Николай. — Если бы Книга судеб действительно прописывала будущее с неизбежностью физических законов, то не было бы смысла взрывать агента. Но его убили — а значит, изменения были возможны.

— И всё же его убили, — напомнил Макар. — Где гарантии, что у нас получится?

— А когда у нас были гарантии? — ответил Николай вопросом на вопрос.

— Это верно, — согласился Макар. — Но согласись, такого задания у нас ещё не было. За Хавьера целая страна проголосовала. Десятки миллионов! А что могут пять человек?

— Пять человек и одна чертовка, — поправил Николай. — Не забывай про нашу подружку.

— Всё равно, — не сдавался Макар. — Все избиратели видели, какую дичь несёт кандидат — и никто ничего не смог сделать. А тут придём мы, такие крутые, и сразу всё порешаем — так, что ли? И ты в это веришь?

— Я думаю, — ответил Николай, — что Книга судеб всё же как-то связана с Книгой ответов. Азаров был агентом Элизиума — то есть его отбирали и готовили так же, как нас. Он был фантастически удачлив — по крайней мере, до того момента, когда удача отвернулась от него. Именно умение заглядывать в Книгу ответов позволило ему найти уязвимость записи Хавьера в Книге судеб. Но тогда и у нас есть шанс.

— На удачу? — спросил Макар.

— Да. Многие уверены, что одни рождаются с золотой ложкой во рту, а другим жизнь не даёт ни единого шанса. Это заблуждение. Просто первые буквально купаются в своих шансах, а вторым судьба отмеряет их крайне скупо. Но возможности выпадают всем; надо только суметь заметить свой шанс, не испугаться его, схватить и оседлать подвернувшуюся удачу. А как раз это мы хорошо умеем, этому нас научили.

— И тогда каждый или кузнец своего счастья, или сам себе злобный Буратино, — подхватил Макар.

Николай улыбнулся.

— Твоя подружка сейчас сказала бы: «Сидят два идиота и обмениваются идиомами».

— Не сказала бы, — возразил Макар. — Но, возможно, подумала бы.

26

За обедом Макар вновь вспомнил о Хавьере.

— Представляете, он ещё и со своим псом разговаривает.

— И что? — спросила Кузя. — Все собачники разговаривают со своими собаками.

— С живыми, — уточнил Макар. — Но его пёс давно умер. Хавьер общается с духом мёртвой собаки через медиума-ветеринара.

Кузя недоверчиво посмотрела на него.

— А это не выдумка журналистов?

Макар покачал головой.

— Тут им и выдумывать ничего не пришлось. Хавьер этого не скрывает; похоже, он даже гордится этим. Такого ни один серьёзный политик не может себе позволить — если, конечно, за ним не стоит Книга судеб.

— А ты как считаешь, — спросила Эмили Николая, — про дух мёртвой собаки — это не фейк?

Николай чуть заметно поморщился.

— Да какая разница! Забудьте вы про этого читера! В сеть намеренно слили всю грязь про него; ничего более компрометирующего вам не найти.

— А что же тогда искать? — спросила Эмили.

— У меня есть только догадки, — ответил Николай, — основанные скорее на ощущениях. Например, вам не показалось, что Бестия стала слишком болтливой?

— Разве? — спросила Эмили.

— Сравнительно, — ответил Николай. — Чертовка не просто так упомянула Армагеддон, в Инферно такими словами не бросаются. Что-то в нашем мире разладилось.

Эмили вскинула брови, изображая крайнее удивление.

— Да ну? Ты заметил? А была хоть одна эпоха, когда не стонали по этому поводу?

Кузя положила руку ей на плечо.

— Ты просто ещё не привыкла к Бестии. Меня тоже насторожили её слова. Особенно про фотосинтез и положительный тропизм. Не собирается ли Элизиум в самом деле заменить нас идеальными людьми?

— Людьми с фотосинтезом? — уточнила Эмили.

— Именно.

— Фото-человек! — торжественно продекламировал Макар. — Человек светособирающий… Светонесущий?

— Светоносный, — подсказала Эмили.

— Точно! Как это будет по-латыни?

— Homo Lucifer[5], — ответила Кузя.

Макар замер с открытым ртом, его лицо вытянулось от изумления.

— Я не ослышался? Как ты сказала? Люцифер?!

27

На мгновение в кухне воцарилась тишина, потом заговорили все сразу.

— Я помню, Бестия тогда сказала: «Пробовали уже», — начала Эмили.

В это мгновение, словно привлечённая внезапным шумом, на подоконнике материализовалась чертовка.

— О чём спорим? — поинтересовалась она. — Что делим?

— Я, кажется, знаю, как возникло Инферно, — похвастался Макар, — хотели как лучше, а получилось… как с тех пор всегда стало получаться. Хотя…

Он посмотрел на друзей и задержал взгляд на Эмили.

— Хотя тот, кто придумал женщину, сделал это идеально.

— Знал бы ты ещё, из чего её сделали, — усмехнулась чертовка.

— Когда б вы знали, из какого сора… — начал Макар.

Бестия в ответ лишь громко хмыкнула.

— Из глины же, — неуверенно предположила Эмили. — Мы ведь слышали притчу о Заботе.

---

[5] Человек светоносный (лат).

— Нашли, кого слушать! — перебила её чертовка. — Гер Мартин был человеком озабоченным, носился со своей die Sorge[6], как с писаной торбой.

— Так может ты нас просветишь? — спросил Николай.

— Непременно, — пообещала чертовка, — но в другой раз.

Она шагнула в раскрытое окно и исчезла.

— Вот ведь шельма! — восхищенно протянула Кузя, глядя ей вслед. — Совсем с мысли сбила. Полкан, ты сказал, что в мире что-то разладилось. Ты ведь говорил о чём-то конкретном?

— Я подумал о везении, — ответил Николай. — Помните, мы играли в русскую рулетку при шансах один к трём — и считали выигрыш великой удачей. А что тогда можно сказать о нашем рождении — удаче одного сперматозоида при шансах один к миллиарду? Но и это ничто по сравнению с тем, что наша планета оказалась пригодна для белковой жизни. Огромный список условий при крайне узких диапазонах; каков был шанс, что сложится именно этот уникальный набор? И крайний случай — существование Вселенной в том виде, в каком мы её знаем. Это уже за пределами любых вероятностей; вспомните, что рассказывала Бестия про антропный принцип.

Кузя нахмурилась.

— Ты намекаешь, что запас вселенской удачи постепенно исчерпывается?

— Не знаю, — ответил Николай. — Но думаю, нам стоит поискать что-то в этом направлении. Может быть, изучение феномена удачи даст нам ключ к Книге судеб.

— Отлично! — сказал Макар. — А Хавьером я займусь.

Сказал без всякого умысла, но Эмили тут же завелась, усмотрев в словах друга желание отстранить её от дела.

— Так может меня ещё и в гугле забанить?! И к компам не подпускать? Сослать на кухню? Да? Это тебе Полкан наплёл, что женщина сделана из ребра и потому должна подчиняться мужику?!

28

Из коридора послышалось насмешливое фырканье. Эмили вздрогнула и обернулась.

---

[6] Забота (нем).

— Из ребра! Как же! — передразнила её чертовка. — Ханжеская версия ангельской пропаганды! В Инферно знают другую легенду. В ней говорится, что ваша праматерь была сотворена из бакулюма.

— Из чего? — спросил Макар.

— Это тоже кость, — пояснила Бестия, — но сесамовидная. И вынута она была совсем из другого места.

— Из какого?

— Из того, которого нет у женщины. Из пениса.

— Ты прикалываешься? — не поверил Макар.

— Отнюдь. У всех крупных приматов есть эта кость, и лишь у гоминидов она отсутствует. Думаешь, совпадение? И, между прочим, для приматов бакулюм не лишний рудимент, он обладает многими полезными функциями — обеспечивает и коитус при пониженной эрекции, и продолжительность акта, и дополнительную стимуляцию самки.

Чертовка обвела друзей победным взглядом. Все молчали, и она продолжила:

— Тому есть множество подтверждений. Вспомните греческий миф о рождении истинной женственности — богини любви, красоты и деторождения. Хронос наточил серп и оскопил им своего отца, Урана. Он бросил отрубленный фаллос в море, и оттуда вышла новая богиня — Афродита Урания. Греки считали, что она родилась из морской пены, то есть из семени Урана. Но логичнее предположить, что Афродита, как и ваша праматерь, была сотворена из той самой кости.

Николай поднял руку, останавливая этот словесный поток.

— Не вижу здесь никакой логики. Беся, ты сама себе противоречишь. Бакулюм нужен приматам только для того, чтобы удачнее потрахаться. Но у Первочеловека не было женщины. Член нужен был ему только для того, чтобы удачнее поссать. А значит, у него изначально не могло быть этой кости.

— Ты не видел Эдема, — усмехнулась чертовка. — Там было много прекрасных овечек. Возможно, в качестве сырья для проекта «женщина» специально выбрали бакулюм, дабы сделать Первочеловека менее похотливым.

— Пустые слова! — перебил чертовку Макар. — А есть этому какие-то подтверждения? Например, бакулюм в дочеловеческом скелете? У австралопитека или кого-то более позднего?

Чертовка развела руками.

— Нет, конечно. Ангельская пропаганда позаботилась, чтобы от ваших предыдущих версий не осталось ни одного целого скелета.

— Или ваша пропаганда, — возразил Макар. — В инете я такое вижу постоянно — сталкиваются две пропагандистские машины, и ни у одной нет убедительных доказательств.

Чертовка обиженно надула пухлые губы.

— Ну и оставайтесь со своей рёберной теорией! Я хотела вам самооценку спасти, предлагала достойное объяснение ущербности вашего вида. По моей версии, это результат донорской операции — ради женщины ваш предок добровольно пожертвовал ценным органом. Красиво, благородно — и не так обидно. Но если вам приятнее думать, что ваша ущербность обусловлена эволюционно — флаг вам в руки! А я свои умываю!

— С чего ты взяла, что мы — ущербный вид? — спросил Макар.

— А разве нет? — удивилась чертовка. — Виды с бакулюмом — это виды с яростной половой конкуренцией; там у самцов костяные члены и долгие коитусы. А вы — жалкий вид вялых скорострелов! Не просто так у вас возник мем «хрен моржовый» — бакулюм моржа порой дорастает до семидесяти сантиметров. Завидуйте молча!

— Не тебе об этом говорить! — вмешалась Эмили. — Ты-то вообще бесполая!

— Бесёнка каждый может обидеть! — ответила чертовка и обиженно отвернулась.

29

Кузя укоризненно посмотрела на друзей.

— Очень смешно! Вам бы только позубоскалить. Но на вопрос вы так и не ответили — что со вселенской удачей? Её запас исчерпывается?

Николай пожал плечами.

— Не знаю насчёт вселенской, но наша закончилась в Одессе. А удачу Пухляша высосала до дна белая стерва.

— Уверен, что вампиресса? — спросила чертовка. — Или всё же это вы постарались? Сработал эффект наблюдателя?

— Когда мы работали на Элизиум, за нами постоянно наблюдали, — ответил Николай, — и на удачу это никак не влияло.

— За вами наблюдали ангелы, — возразила чертовка, — а они в вашем мире не имеют массы. Не сравнивайте себя с бесплотными, у них совсем другая физика.

Кузя нахмурилась, не желая вступать в теологический спор.

— А ты можешь что-то сказать конкретно об удаче? Что это — энергия? Информация? Материя?

Бестия откинула голову и торжественно продекламировала:

— Вы люди как люди, не хуже прежних. И здравый смысл порой стучится в ваши головы. Вера в термодинамику только вас испортила…

— К чему это ты? — спросила Кузя.

— Всё вам надо разжёвывать, — снисходительно ответила чертовка. — Вы почему-то решили, что к удаче нужно относиться как к высокоорганизованной энергии, запас которой ограничен. По вашей теории каждый акт везения уменьшает это количество, и в итоге его запас исчерпается окончательно. Но можно посмотреть на это и с другой стороны — каждый акт невезения восполняет утраченный ресурс. А невезучих людей не меньше, чем везучих.

Эмили прыснула, прикрыв рот ладошкой.

— Что в этом смешного? — спросила Кузя.

— Просто вспомнила, — ответила Эмили, — если искать в инете самых везучих и самых невезучих, поисковики покажут одних и тех же людей. Например, Вайолетт Констанс Джессоп — знаменитая «женщина на корабле», чёрная вдова океанских лайнеров. Работала на «Олимпике», на «Британике» и на «Титанике». «Олимпик» столкнулся с крейсером «Хоук», «Британник» подорвался на немецкой мине и затонул, про «Титаник» вы и сами всё знаете. Вайолетт пережила все три катастрофы, причем при эвакуации с «Британника» лодку с ней затянуло под работающий гребной винт. Вот как такое оценивать? Это везение? Или наоборот?

— Я бы не назвала это везением, — ответила Кузя. — Как сказал Сунь Цзы, лучшая война та, которой не было. Настоящая удача не выжить в авиакатастрофе, но опоздать на самолёт, который разобьётся. И таких везунчиков много, просто о них не говорят. В центре внимания всегда оказываются те, кто подвергает сомнению наши представления о теории вероятности.

— Точно! — воскликнул Макар. — Я как раз недавно читал про Фране Селака — он пережил крушение поезда, падение самолета, и пять

автомобильных аварий. Более ста человек погибло в этих катастрофах, а ему хоть бы что. И с остальными везунчиками та же история — в них били молнии, на них нападали змеи и акулы, они постоянно попадали в аварии — автомобильные, железнодорожные, даже авиационные. Но отовсюду они выходили с минимальными потерями.

Эмили кивнула, соглашаясь.

— Вот и думай — ангел поцеловал их в макушку или демон.

— Не идеализируй ангелов, — сказал Николай, — они не такие, какими их представляют.

— И не демонизируй демонов! — добавила чертовка.

Все рассмеялись.

30

Улыбнулась даже Кузя, но уже через мгновение её лицо вновь помрачнело.

— Что с тобой? — спросил Николай.

— Предчувствия, — вздохнула Кузя. — Чем дольше мы ходим вокруг да около, тем больше меня тревожит Книга судеб. Я всегда понимала её как нечто вроде расширенного учебника физики, который задаёт наши физические и социальные рамки. В этом ограниченном поле действует наша свободная воля, но выйти за поставленные рамки мы в принципе не можем. В норме всё так и есть. Но в случае с Хавьером я вижу явное нарушение социальных законов, а возможно и физических. Не говоря уж о вероятностях, с ними там творится что-то невообразимое.

— Физических вряд ли, — возразил Макар, — но социальных точно. И с вероятностями, согласен, там полный треш. А главное — президентами же с кондачка не становятся, это сложнейший многоуровневый проект. Но Хавьер типичный гопник; что он мог написать в Книге судеб? Разве что самое примитивное: «Хочу стать президентом». И после этого процесс пошёл, началось редактирование реальности, от Хавьера никак не зависящее. Редактирование его линии, линий других кандидатов, лидеров заинтересованных стран, избирательных штабов, может быть, даже некоторых избирателей. Вплоть до того, что на другой стороне земного шара взорвался газ и погиб агент, о котором Хавьер никогда не знал и никогда не узнает. Вот кто этим управляет? Или даже не кто, а что, некая безличная сила. Природный закон, о котором мы ничего не знаем.

Бестия презрительно хмыкнула.

— И не узнаете, если проложите заниматься схоластикой. А спросить — язык отвалится?

— Ты что, знаешь? — спросил Николай.

— Я многое знаю, — гордо ответила чертовка, — просто вы спрашивать не умеете.

— И кто же этот демиург?

— Подпоручик Киже.

— Кто?! — не поверил Николай.

— Шучу. Он не подпоручик, конечно. И фамилия его не Киже, а Титивиллус.

— Титивиллус? — переспросила Кузя. — Демон обмана и путаницы?

— Он не демон, — ответила чертовка, — и к Инферно он отношения не имеет.

— Упс! — воскликнул Макар. — Неужели ангел?

— Фу! — поморщилась Бестия. — От вас, белковых, за версту разит бинарной логикой. Титивиллус не ангел и не демон, он один из трикстеров.

31

Кузя не стала спорить.

— Как ни назови, он мастер обмана. Очиток, ослышек, описок и опечаток — всей этой психопатологии обыденной жизни.

— Именно так, — согласилась чертовка. — В славные дописьменные времена Титивиллус развлекался, наводя морок на жрецов и заставляя их путать слова священных гимнов. А после второй информационной революции он взялся за переписчиков. Отвлекал внимание, нашёптывая разные глупости. И это срабатывало — редкая копия обходилась без ошибок и опечаток.

— Так вот в чём дело! — воскликнул Макар. — Я получал пары за диктанты не потому, что не учил уроки, а потому, что меня бес попутал!

— Ты получал пары потому, что раздолбай! — ответила чертовка. — Но суть ты уловил правильно — переписчики, уличенные в ошибках, оправдывались именно так. И всё бы ничего, но эта история растянулась на века; а за эти века количество ошибок только накапливалось. В итоге многие известные вам тексты стали, скажем так, несколько отличны от первоначальной версии.

— Прости, перебью, — снова вмешался Макар. — А игру в испорченный телефон тоже Титивиллус придумал?

— Ага, — кивнула чертовка, — причём задолго до изобретения телефона.

— Макар, угомонись, — попросил Николай. — Бестия, продолжай, пожалуйста. Что было дальше?

— Дальше случилась третья информационная, книгопечатание. Ошибка в наборе распространялась в сотнях, а то и тысячах копий. В те времена печатному слову доверяли; так что сами можете представить, к чему могла привести ошибка в учебнике химии или в справочнике ядовитых грибов.

— Но с этим же боролись! — подала голос Эмили.

— Всегда боролись, — согласилась чертовка. — Жрецы придумали поэзию — мнемонический приём, не позволяющий неверным словам вставать на место правильных. А печатники завели корректоров и редакторов — специально обученных людей, вычитывающих тексты и исправляющих ошибки. Титивиллус отыгрывался на авторах, но до печати их ляпы уже не доходили.

— Пока не появился интернет, — добавила Кузя.

Чертовка скорчила скорбную гримасу.

— Да, пока не грянула четвёртая информационная, сметающая все прежние преграды. Вместо стихов — верлибры, вместо корректуры — «я так вижу». Тут-то Титивиллусу карта и пошла.

— Это понятно, — сказал Николай, — а что всё-таки с Книгой судеб? Она-то как с Титивиллусом связана?

— Он же трикстер, — ответила Бестия, — а их амброзией не корми, дай над чем-то приколоться. Книга судеб закрыта для людских правок; если в ней вдруг появляется запись, сделанная человеком — это чрезвычайная ситуация, редчайшая аномалия. Титивиллус тут же подключается и устраивает великую мистификацию. Запись человека нарушает законы, ломает установленные рамки; но трикстер обыгрывает всё таким образом, как будто так и должно быть. И с интересом наблюдает, чем же это закончится.

— А мы можем как-то на него повлиять? — спросила Эмили.

Чертовка посмотрела на неё с сожалением.

— Окстись, подруга! Что ты можешь ему предложить? Это же трикстер, ему ничего не нужно.

32

Прошла ещё неделя. Эмили с Макаром успели дважды поругаться и дважды помириться, собрать обширное досье на Хавьера, проанализировать множество выигрышей, проигрышей и чудесных спасений. Всё было напрасно — сила, охраняющая Хавьера, никак себя не проявляла. По вечерам чертовка заглядывала к друзьям, выслушивала рассказ об очередном тупиковом расследовании и многозначительно кивала — «я же говорила».

— Похоже, ваша игра в «горячо-холодно» окончательно переместилась на Северный полюс. Не пора ли переходить к радикальным мерам?

— Подождём, — ответил Николай, — где-то ведь должна быть зацепка. У Азарова же получилось, а он в последний год из страны не выезжал.

— У него, видимо, был прямой доступ к Книге ответов, — предположила чертовка, — а у вас лишь отрывочные воспоминания. Так что я бы на вашем месте не тормозила. Время работает на Хавьера — чем дольше он останется своём на посту, тем больше проблем он сможет создать своей стране. А возможно, и всему миру.

Николай упрямо набычился.

— Ино ещё побредём.

— Узнаю слова, — усмехнулась чертовка. — И взгляд этот тоже узнаю. Вы совсем не меняетесь.

— Ты это уже говорила, — сердито перебила её Эмили. — И что мы люди не хуже прежних, и что здравый смысл порой стучится в наши головы.

Чертовка скорчила страдальческую гримаску.

— Но не всегда может достучаться.

Эмили открыла рот, чтобы достойно ответить, но Николай поднял руки, останавливая её.

— Девочки, успокойтесь! Эмили, что у тебя сегодня?

— Прошлась по книге рекордов Гиннеса. Пустышка. Завтра посмотрю кодексы Войнича и Рохонци, вдруг повезёт. Хотя вряд ли.

— Понятно, — сказал Николай. — Макар?

— Сравнивал Книги мёртвых. Интересное чтиво, но после Акишмы и ты мог такое же написать.

Эмили вопросительно посмотрела на Макара, и он пояснил:

— В прошлом году Полкан был у ороченов. Там он спускался в Нижний мир и поднимался в Верхний.[7] Я тебе потом всё расскажу.

— Спасали мир? — спросила Эмили.

— Как обычно, — ответил Макар.

33

Николай удовлетворённо кивнул.

— Отлично. Фронт работ намечен.

— У меня уже есть план на неделю вперёд, — подтвердила Эмили.

Чертовка хмыкнула и несколько раз хлопнула в ладоши.

— Браво! Надеюсь, поваренная книга в твой план входит? Или кухонофобия не позволяет?

Лицо Эмили вспыхнуло, она сложила пальцы щепоткой и угрожающе подняла руку. Макар торопливо придержал её за локоть. Эмили вырвалась, но руку опустила.

— А крёстным знамением по наглой чёрной морде?

— Меня-то за что? — обиделась чертовка. — Я только хотела сказать, что с такими планами вы скоро до мышей доберётесь. А часики-то тикают!

Кузя внимательно посмотрела на неё.

— Мне кажется, ты знаешь, что нашёл Азаров. Но тебе почему-то хочется, чтобы мы полетели в Аргентину и попытались похитить президента. А это, между прочим, casus belli![8] Тебе что — нужна третья мировая?

— Ангелы-серафимы! — выругалась чертовка. — Как же достала ваша белковая логика! Я инфернальный обыватель; я всего лишь хочу остановить Хавьера и восстановить равновесие! И я не знаю, что нашёл Азаров. Но если б даже знала и намекнула — чем бы это закончилось? Очередным взрывом бытового газа, или обрушением перекрытий, или смертельным отравлением. В любом случае кнопка мандарина вывела бы вас из игры. Но у вас нет права на выход. Потому что пока у Хавьера есть доступ к Книге судеб, его никто не сможет остановить. Никто кроме вас. Я понятно объясняю?

— Понятнее некуда, — ответил Николай. — Беся, ты не могла бы ненадолго провалиться в Преисподнюю? Нам надо посовещаться.

---

[7] Эта история описано во второй книге цикла «Хтонь».

[8] Повод к войне (лат).

— Без меня? — чертовка обиженно оттопырила губу. — А говорили — команда…

— Пусть остаётся, — вступилась за Бестию Эмили, — у нас же нет секретов от нашего демона-хранителя.

— Пусть, — поддержала подругу Кузя. — Если мы перестанем доверять друг другу, можем сразу разбегаться. Только паранойи нам не хватало.

— Хорошо, — согласился Николай. — Давайте обсудим нашу ситуацию.

34

Друзья переглянулись, ожидая, кто заговорит первым.

— Я бы не сказал, что мы в тупике, — начал Макар, — задел для работы у нас есть. Неисследованных объектов ещё много; но надежд, к сожалению, осталось мало. Всё близкое к теме мы уже перелопатили, остальное связано с Книгой судеб весьма условно. По большому счёту, это можно сказать о любом инет-портале — здесь всё как-то связано между собой. Искать можно бесконечно — и, скорее всего, безрезультатно. Так что Бестия, видимо, права, как бы безумно это ни звучало.

Кузя возмущённо тряхнула головой.

— Права?! Она же предлагает похитить президента! Но это в принципе невозможно! Без вариантов. Я не знаю, может, лучше ликвидировать его? На это, по крайней мере, у нас есть хоть какой-то шанс.

— Это не решит проблему, — возразил Николай. — Если Книга судеб останется доступной, рано или поздно новый читер доберётся до неё. И придётся всё начинать сначала. Бестия права — надо брать Хавьера и вытаскивать из него всю информацию. Только тогда мы сможем закрыть доступ к Книге.

— И как ты себе это представляешь? — спросила Кузя. — Вломимся в президентский дворец, перебьём охрану, угоним вертолёт? А от пуль будем уклоняться, как Нео?

Николай сделал вид, что не заметил сарказма.

— Нет, президентский дворец нам не по зубам. Проследим за Хавьером, изучим его маршруты, найдём место, где он максимально уязвим…

— Найдём, как же! — перебила друга Кузя. — Ты забыл, что он правит Книгу судеб? Не говоря уж о том, что он президент с полным штатом охраны. Нет на Земле места, где его можно застать врасплох!

— Ты права, — согласился Николай, — на земле это не получится. Возьмём его в воздухе. В экстерриториальном пространстве.

Кузя недоверчиво прищурилась.

— Ты научился летать? Стал ангелом?

— Не смешно, — поморщился Николай. — Мы же сто раз об этом говорили. Нет у нас крыльев — ни белых, ни чёрных; как нет в нашем арсенале никаких читерских приёмов. Всё придётся делать самим — старыми дедовскими методами. И чем лучше мы подготовимся, тем выше будут наши шансы.

— На успех этого безнадёжного предприятия, — добавил Макар.

Эмили недоумённо посмотрела на друзей.

— Какие крылья, какой воздух? О чём вы говорите?!

— О президентском борте номер один, — ответил Николай. Тридцатого июля у Хавьера встреча с Байденом в Вашингтоне. Так что времени у нас в обрез. Макар, заказывай билеты на ближайший рейс.

35

Бестия подняла вверх кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Давно пора! Надо было сразу меня слушать!

Кузя с сомнением посмотрела на Николая.

— Но мы же к этому совсем не готовы! У нас нет никакого плана, мы об этом даже не думали!

— Я думал, — возразил Николай. — Я давно понял, что к Бесе стоит прислушиваться.

— И что ты надумал?

— Деталей пока нет, только сырая идея в самых общих чертах.

— Сферическая в вакууме, — добавил Макар.

— Именно. Поэтому принимайтесь за работу. Собираем всю возможную информацию, как обычно. Эмили, на тебе борт номер один. Характеристики, помещения, обслуживание, экипаж. Макар, ты займёшься охраной президента. Протоколы, смены, подготовка, личные дела. Кто

закончит первым, пусть узнает всё об организации скорой помощи в Буэнос-Айресе. Предварительный отчёт — завтра в полдень. И, Макар — не забудь про билеты.

На следующий день друзья собрались на кухне съёмной квартиры. Эмили выводила схемы и фотографии на телевизор, но маленький экран не позволял разглядеть детали. Все сидели, уткнувшись в планшеты, на которых дублировалась эта презентация. Эмили кратко комментировала таблицы с характеристиками аргентинского борта номер один.

— Боинг 757-23A, код E14C31, регистрационный номер T-01, серийный номер 25487, комплектация VIP. Собственное имя — «Дева Луханская». Сошёл с конвейера второго июля 1992-го года…

— Подожди, — прервал подругу Макар, — ты хочешь сказать, что президентскому борту тридцать два года?

— Именно. Кроме того, в 2004-ом у него загорелся двигатель, и самолёт сильно пострадал в результате жесткой аварийной посадки.

— Это интересно, — кивнул Николай. — Продолжай, пожалуйста.

Эмили заглянула в свой планшет и затараторила скороговоркой:

— Длина 47 метров, высота 14, размах крыла 38, ширина фюзеляжа 3,7. Крейсерская скорость 850 километров в час, служебный потолок 12800 метров, дальность 7300 километров. Два двигателя…

Николай поднял руку, останавливая Эмили.

— Понятно. Что с кабиной?

— Надёжно изолирована, полностью герметична. Экипаж — два пилота. Из того, что может нам пригодиться — самолёт оснащён системой связи SELCAL DH-ES. Это система селективного вызова, она позволяет не мониторить эфир в реальном времени. Пилоты могут снять гарнитуры и слушать трансляцию Олимпийских игр. Если диспетчер захочет вызвать их на рабочей частоте, он пошлёт сигнал через систему SELCAL, и в кабине включится звуковая и световая сигнализация.

— Логично, — сказал Макар. — Какой же аргентинец захочет слушать местные новости во время Олимпиады.

36

Николай с тревогой посмотрел на Кузю. Идея с полётом в Аргентину не нравилась ей с самого начала; она могла и сама отказаться от этой затеи, и попробовать отговорить других. Но к удивлению собравшихся, Кузя не стала спорить; наоборот, она похвалила Эмили и приготовилась слушать Макара.

— Ты передумала? — осторожно спросил Николай. — Что-то случилось?

— Эмили кое-что упустила, — ответила Кузя. — Она не придала значения личному имени аргентинского борта — «Дева Луханская».

— Это какая-то испанская святая? — спросил Макар.

Кузя покачала головой.

— Это статуя Девы Марии. В 1630-ом году её везли в провинцию Сантьяго-дель-Эстеро, чтобы установить в городе Сумампа. На берегу реки Луян повозка застряла. Ящик со статуей хотели перенести на руках, но не смогли. И тогда все поверили, что такова воля Девы Лухана — остаться на выбранном месте. Там и построили Национальную базилику Луханской Богоматери, которая стала покровительницей Аргентины.

— И какая здесь связь? — спросил Николай.

— Возможно, эту «Деву» мы сможем остановить. Не знаю, откуда такая мысль. Просто предчувствие.

— Странный народ — католики, — сказал Макар. — Если чудо заключается в блокировке движения, как можно было назвать самолёт именем такого чуда? То ли дело — Летающий Макаронный Монстр! Его ничем не остановишь!

— Хавьер собирается принять иудаизм, — вмешалась Эмили, — так что, может быть, он ещё переименует борт номер один.

— Если успеет, — процедила Бестия, скорчив зловещую гримасу.

Эмили прыснула, и чертовка, воодушевившись, продолжила свою пантомиму. Обернув хвост вокруг шеи, она потянула за его конец и выпучила глаза, имитируя удушение. Длинный язык вывалился из раскрытой пасти и повис, слегка подрагивая. Макар зафыркал, прикрыв рот рукой, а через секунду к нему присоединились остальные.

Николай почувствовал, что его наконец отпускает. Весь день он провёл в напряжении, ожидая, что придётся спорить с друзьями, что-то доказывать. А всё получилось так просто — несколько гримас и бесовских ужимок решили дело. Ай да чертовка, ай да бесова дочь!

Он осторожно разжал лапу Бестии и освободил её шею. Чертовка кокетливо наклонила голову и захлопала ресницами.

— А искусственное дыхание? Рот в рот?

Кузя недовольно нахмурилась.

— Ну, начинается!

— Тогда хотя бы массаж сердца! — попросила чертовка.

— Какого сердца? — ехидно спросила Кузя. — Нет у тебя никакого сердца! И даже сисек нет, нечего там лапать!

— Вот сейчас обидно было! — насупилась Бестия. — А грудь у бесенят есть, не сомневайся. Только мы, в отличие от самок как-бы-сапиенсов, её не выпячиваем!

37

Когда Макар закончил свою презентацию, все посмотрели на Николая. Информацией друзей загрузили по полной, но она была совершенно неупорядоченной. Собрать единую картину из разрозненных кусочков пазла предстояло Николаю.

— Нам нужна будет машина скорой помощи и комбезы врачей, — начал он.

— Униформу можно взять в сексшопе! — перебил его Макар.

Он приобнял Эмили за плечи и прошептал ей в ухо:

— Из тебя получится улётная медсестричка!

— Угомонись! — девушка скинула его руку и больно ткнула локтем под рёбра. — Машину тоже в сексшопе закажешь?

— Машину угоним! — уверенно заявил Макар.

— И сорвём операцию, даже не начав, — сказал Николай. — С машиной надо ещё подумать.

— Чего тут думать? — вмешалась Бестия. — «Telefe» решает!

— А это что за зверь? — спросил Макар.

— «Telefe», — повторила чертовка, — это телекомпания в Буэнос-Айресе. Снимает фильмы и сериалы, которые вы называете мексиканскими — «Сладкая любовь», «Дикий ангел», «Чёрная жемчужина», «Тайна в его глазах». Один из них даже удостоился «Оскара».

— Точно! — Николай хлопнул ладонью по столу. — Как же я сам не догадался! На киностудии можно взять напрокат что угодно — и машину, и костюмы. Кстати, прикид девушки-секси нам тоже понадобится. Для тебя.

Он посмотрел на Кузю.

— Не секс-униформа, конечно, но полный боевой комплект — декольте, мини-юбка, высокие каблуки. Ты можешь ходить на каблуках?

Кузя молча кивнула. Чертовка восхищённо присвистнула.

— Полкан, а ты тот ещё проказник! Седина в бороду, бес в бакулюм!

— Не нарывайся! — огрызнулся Николай.

Макар немного помялся, но всё же решился спросить:

— А почему не Эмили?

— Потому что задача девушки-секси — приковать внимание мужчин, — ответил Николай. — Вернее, одного мужчины — Луиса Альфонсо Петри, министра обороны Аргентины. Он полетит на переговоры в Вашингтон вместе с Хавьером.

— Эмили тоже могла бы… — начал Макар, но Николай перебил его:

— Извини, конечно, но для Луиса Эмили слишком… худосочна. Кузя, конечно, тоже не пышка, но она и повыше, и фигура у неё спортивнее. А грудь ей нарастим, есть же специальные лифчики.

— Сейчас поищу! — с готовностью отозвался Макар и уткнулся в ноутбук.

— Размечтался!

Эмили потянулась к нему и закрыла крышку ноута.

— Сама найду. Ты ничего в этом не понимаешь.

— Можно подумать, ты понимаешь, — обиженно пробурчал Макар. — У тебя и лифчиков-то нет.

— Да, после Енисея ни одного не осталось! — ответила Эмили. — Ты последний утащил.

Макар покраснел и отвернулся.

— Наш малыш обиделся! Ути-пути! — Чертовка фыркнула, скорчила козью рожу и заблеяла фальцетом:

— *Пошёл козёл по лесу, по лесу, по лесу,*

нашёл себе принцессу, принцессу, принцессу.

Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем…

— Прекрати! — резко оборвал её Николай. — Забыла, что Макар из Киева?

— Упс! — выдохнула Бестия. — Запамятовала. Вы так долго вместе работаете…

38

Двадцать второго июля в девять утра Boeing 787 Dreamliner компании «Air France» приземлился в международном аэропорту Министро Пистарини. Из Эсейса до Буэнос-Айреса друзья доехали на такси, оставили вещи в отеле «Pulitzer» и отправились в головной офис компании «Telefe». Предварительные переговоры Макар провёл дистанционно, ещё из Сестрорецка, и к официальному визиту в телекомпанию все основные вопросы были уже решены — договоры составлены, предоплата перечислена. Оставалось лишь подписать документы и забрать реквизит. Макар ушёл заниматься бумагами, остальные ждали его в кафе на первом этаже. Николай взглядом указал на девушку за крайним столиком.

— Кузя, обрати внимание на эту барышню.

— А что с ней не так? — спросила Кузя, критически оглядывая незнакомку.

Та сидела перед раскрытым ноутбуком, что-то вычитывая. Спортивная фигура, приятное лицо, короткое летнее платье, открывающее загорелые ноги. Тёмные волосы собраны в хвост, на губах блестит яркая помада. Обычная офисная девушка, разве что привлекательнее большинства посетительниц, сидящих за соседними столиками.

— Наоборот, всё так, — ответил Николай. — Это Кристина Перес, любовница Луиса Петри. Между прочим, известная журналистка и телеведущая; работает здесь же, в «Telefe». Присмотрись к ней.

— А что интересует?

— Всё, что сможешь перенять — походка, манеры, макияж. Тебе предстоит её скопировать, хотя бы приблизительно. Чтобы хватило на тридцать секунд внимания Луиса.

Кузя порылась в сумочке и достала рекламный листок отеля.

— Возьму у Кристины автограф. Если она действительно такая известная, её это не удивит.

— Не стоит, — Николай придержал подругу за локоть, — она может тебя запомнить. А если приедет в аэропорт провожать любовника и узнает свою поклонницу, всё пойдёт не по плану.

— Хорошо, — нехотя согласилась Кузя, пряча листок в сумочку. — Жаль, у меня бы эта роль неплохо получилась.

— Тебя ждёт роль гораздо ответственнее, — успокоил подругу Николай, — и очень скоро. Когда вернётся Макар, пойдём с тобой в «El Patio Bullrich» за самыми сексуальными шмотками.

Эмили мгновенно оживилась и заёрзала на стуле.

— Я с вами! Возьмёте?

— Нет! — решительно отрезала Кузя. — Сексшопинг — дело интимное.

— Ну да, конечно, — разочарованно протянула Эмили. — Ты просто не хочешь, чтобы Полкан увидел меня в мини.

— А чего ты ждала? — спросил Шаман. — Ты же будешь вертеться перед зеркалами, выгибаться, вставать в разные позы. Отвлекать агентов, занятых серьёзным делом.

Увидев, как помрачнело лицо Эмили, он добавил:

— А в «El Patio Bullrich» вы с Макаром сходите завтра. Оттянешься перед ним в полный рост.

— Точно! — просияла Эмили. — Так и сделаю!

39

Николай надеялся, что после фривольного шопинга отношения Эмили и Макара придут наконец к чему-то определённому. Но всё вышло с точностью до наоборот — ребята вернулись злые и раздражённые. Макар сразу же ушёл в комнату и яростно застучал по клавишам. Кузя спросила:

— Что? Опять? Не можете не поцапаться?

— Этот идиот приревновал меня к Мартину! — выпалила Эмили. — К продавцу, представляете?!

— Дай угадаю, — вмешалась чертовка, — этот Мартин — высокий, загорелый, мускулистый? Помогал тебе выбрать сексуальные трусики?

— Топик, — поправила Эмили и снова сорвалась на крик. — Мартин же гей, это видно с первого взгляда! Как можно ревновать к гею?!

— Можно, — ответил Николай, — запросто.

Эмили раздражённо тряхнула головой.

— И что мне теперь — извиняться?! Да пошёл в жопу этот макаронник! Пусть переезжает к Шаману!

— Извиняться тебе не за что, — сказала Кузя, — но помириться вам надо. Сейчас не время для ваших трагедий.

— И что мне делать?

Кузя улыбнулась.

— Положись на меня. Мальчики, а вы спуститесь в бар, освежитесь. И ты, Беся, изыди, это женские дела.

Чертовка скорчила недовольную гримасу и растворилась в воздухе. Николай с Шаманом переглянулись и молча вышли. Кузя достала из холодильника кусочек льда и протянула его Эмили. Та вопросительно посмотрела на подругу.

— Натри соски, — пояснила Кузя.

Эмили задрала майку, зажала её подбородком и провела кусочком льда сначала по левому соску, потом по правому. Кузя протянула ей салфетку. Эмили вытерла грудь и отпустила край майки.

— Почти готово, — сказала Кузя. — только сними шорты, они тут явно лишние.

Эмили расстегнула пуговицу, потянула молнию и перешагнула через упавшие шорты. Кузя критически оглядела подругу. Короткая майка едва прикрывала резинку трусиков. Затвердевшие соски призывно топорщились, проступая сквозь тонкую ткань.

— И-де-аль-но! — оценила подругу Кузя. — А теперь иди к Макару и ни о чём не беспокойся.

— А что я ему скажу? — спросила Эмили.

Кузя усмехнулась.

— Говорить не придётся, поверь моему опыту. Иди же!

Она слегка подтолкнула подругу. Эмили пересекла гостиную и вошла в свою спальню. Слов Кузя действительно не услышала, только короткие выдохи и междометия. Она аккуратно прикрыла дверь и вернулась в гостиную.

40

Шаман сидел на скамейке у входа в аэропорт. Николай, Макар и Эмили в костюмах биозащиты ждали сигнала в салоне скорой помощи, припаркованной у служебных ворот. Шаман поправил умные очки, и на экране перед друзьями появилась знакомая картина — стеклянные двери, пропускающие пёстрый людской поток. Через несколько минут в зал вошли

трое полицейских, вооруженных короткоствольными автоматами. Шаман нажал кнопку вызова на смартфоне, и операция началась.

В другом конце зала Кузя сделала последний глоток, поставила на столик чашку с недопитым кофе и направилась к выходу. Хавьер, окружённый охранниками, пересекал зал, улыбаясь в объективы камер. Подтянутые мужчины в штатском оттесняли особо назойливых репортёров.

Чуть поодаль нестройной толпой следовала команда президента. Луис Петри обвёл глазами зал, и его взгляд задержался на красивой молодой девушке, идущей навстречу. Не мог не задержаться — такова женская магия. Помешать намеченному плану могла лишь более эффектная конкурентка, случайно оказавшаяся рядом. Но вероятность этого была минимальна.

Кузя шла к выходу лёгкой танцующей походкой, и взгляды мужчин невольно скользили по её длинным загорелым ногам. Не могли не скользить — трудно сопротивляться базовой мужской прошивке. Просто у кого-то это выходило как бы мельком, а кто-то пялился совершенно открыто.

Кузя улыбалась — всем сразу и никому в отдельности. Луис чуть замедлил шаг, любуясь прекрасной незнакомкой. Она как будто сошла со страниц модного журнала — высокая грудь, тёмные волосы, собранные в хвост, яркая помада на губах. Мечта любого министра обороны.

Когда до Луиса оставалось лишь несколько шагов, Кузя улыбнулась ещё лучезарнее — и теперь её улыбка предназначалась лишь одному мужчине. Луис на мгновенье скосил глаза на загорелые колени, и его взгляд как будто обрёл материальную силу — высокий каблук не нашёл опоры, нога подкосилась, и Кузя рухнула прямо в объятия министра. Ярко-красные ногти впились в рукав его белой рубашки. Мужчина невольно поморщился.

— Desculpe[9], — прошептала Кузя, опуская глаза.

Луис галантно поддержал девушку и помог ей вновь обрести равновесие.

— Альфонсо — его второе имя, — прокомментировал Макар. — И он его достоин.

Кузя незаметно опустила иглу в сумочку и направилась к выходу. Шаман последовал за ней.

41

Едва Кузя выпустила руку Луиса, Николай включил таймер на смартфоне. Время пошло. Шаман не спеша вышел из здания, сел в кабину

[9] Прошу прощения (исп).

скорой и завёл мотор. Кузя поднялась в салон, где её ждали друзья, уже облачённые в костюмы биозащиты. Сбросив неудобные туфли, Кузя стала поспешно натягивать защитный комбез. Николай не отводил взгляд от таймера.

— Двадцать минут, — сказал он. — Начинаем. Эмили, проход.

Пальцы девушки забегали по клавишам, запуская программу взлома. Створки ворот медленно разъехались в стороны. Эмили закрыла крышку ноутбука и надела перчатки. Шаман включил мигалку, и скорая въехала на лётное поле.

Сверкая проблесковыми огнями, машина остановилась у трапа президентского борта. Николай поднялся по лестнице и заглянул в салон. Два стюарда суетились около Луиса Петри, которого выворачивало наизнанку.

— Всем оставаться на своих местах! — крикнул Николай. — На борту объявляется карантин!

Дорогу ему заступил здоровенный охранник.

— Освободите проход! Мы эвакуируем президента. Согласно протоколу…

— Серьёзно? — насмешливо спросил Николай и бросил газовую гранату под ноги охраннику.

Вторую гранату бросила Кузя. Пассажиры, хватаясь за кресла, стали медленно оседать на пол. Охранник успел достать пистолет, но Николай выбил его одним ударом. Эмили бросилась к Хавьеру и поспешно надела на него кислородную маску. Макар поставил на ближайшее кресло сумку с красным крестом, повернулся к Шаману и показал колечко из пальцев — всё о’кей. Скорая тронулась с места и покинула лётное поле.

Николай с Макаром, достав пластмассовые стяжки, занялись обездвиживанием охраны и президентской команды. Кузя закрыла дверь лайнера. Первый этап операции завершился, пора было переходить ко второму.

Через несколько минут Хавьер очнулся и испуганно посмотрел по сторонам.

— Что случилось?!

— Ничего страшного, — ответил Николай. — Луису Петри стало плохо и его увезли на скорой.

— Что за чушь?! Вот же Луис! — Хавьер кивнул в сторону министра обороны. — И что с остальными?!

— Я сказал то, что вам надо знать, — повторил Николай. — Петри стало плохо и его госпитализировали. С остальными всё нормально, на борту полный порядок. Дайте команду на взлёт.

Хавьер испуганно вжался в кресло.

— Я не могу…

Николай пожал плечами.

— Пока и не надо, у нас есть синтезатор вашего голоса. Это была проверка.

Эмили раскрыла ноутбук и подключилась к внутренней связи борта номер один. Николай взял микрофон.

— Командир, говорит президент. У нас произошла небольшая заминка. Одному из пассажиров стало плохо и его пришлось срочно госпитализировать. Сейчас на борту всё в порядке, поднимайте самолёт.

— Так точно, господин президент! — ответил первый пилот. — Для нас держат зелёный коридор.

42

Включились моторы и лайнер тронулся с места. Через несколько минут колёса оторвались от земли и борт номер один полетел на север. Макар подошёл к Хавьеру и сел в кресло перед ним.

— Где ваш чемоданчик с красной кнопкой?

— Вы ошиблись! — торопливо затараторил президент. — У Аргентины нет ядерного оружия!

— Он так шутит, — пояснил Николай. — Где ваш ноутбук?

Взгляд Хавьера непроизвольно скользнул по багажному отсеку и мгновенно отпрянул, будто обжёгшись.

— Можешь не отвечать, — сказал Макар, открывая багажное отделение.

Он достал ноутбук, открыл крышку и включил питание.

— Пароль? — спросил Николай.

Хавьер по-прежнему молчал — то ли от страха, то ли из упрямства.

— Тут нет пароля, — сказал Макар, — вход по отпечатку.

Николай взял Хавьера за воротник, слегка тряхнул и приказал:

— Активируй!

Президент убрал руки за спину и отчаянно замотал головой.

— Я могу отрезать тебе палец, — спокойно сказал Николай, — если скажешь, какой. Но могу и перебирать их по очереди, пока нужный не подойдёт.

Хавьер побледнел и молча прижал большой палец к считывателю. Экран ожил, на нём открылся рабочий стол с несколькими иконками.

— Видишь, как всё просто, — сказал Николай, — а я бы начал с указательного.

Эмили наклонилась к уху Макара.

— Он правда отрезал бы Хавьеру пальцы?

— Не знаю, — шёпотом ответил Макар, — и, честно говоря, не хочу узнавать.

Чертовка презрительно фыркнула.

— Не пудри девочке мозг! Знаешь ведь, что у Полкана уже был опыт отрезания пальцев.[10]

— Там было другое! — возразил Макар.

— Конечно, другое, — согласилась чертовка, — тогда речь шла об одном городе, а сейчас, как минимум, о целой стране.

Кузя шагнула к ноутбуку и ткнула пальцем в пиктограмму с раскрытой книгой.

— Вот! Это она!

Лицо Хавьера передёрнуло; лучшего подтверждения и не требовалось. Кузя потянулась к тачпаду, но Макар поднял руку, защищаясь.

— Не так быстро!

Он вошел в терминал и запросил свойства файла. На экране появилась строка:

- rw- rw- rw-

— Что это? — спросила Кузя.

— Шестьсот шестьдесят шесть, — ответил Макар, — права доступа. Кто-то присвоил файлу код Апокалипсиса.

---

[10] Эта история описана в первой книге серии «Хтонь».

— Что это значит?

— Что читать и править его может кто угодно. Понятно теперь, как мы до такой жизни докатились.

43

Николай вгляделся в цифры на экране.

— Он, кажется, не такой уж большой.

— Там, скорее всего, обращение к каким-то хранилищам, — ответил Макар. — Что делать-то будем? Открывать как-то стрёмно…

— Да ты не бойся! — успокоила его Кузя. — Я знаю, что надо делать!

Она потянулась к клавиатуре, но Макар отодвинул ноутбук.

— Я тоже знаю, чего ты хочешь — творить благие дела. «Причинять добро и наносить пользу» со всей праведной дури.

— Макар прав, — вмешался Николай. — В нашем мире многое стоило бы поменять, но все изменения должны проходить постепенно и естественно. А не так: раз — и в дамки, в обход всех законов развития. В этом случае любое значимое изменение реальности повлечёт за собой непредсказуемые последствия, которые мы даже приблизительно не сможем просчитать.

Кузя натянуто улыбнулась.

— Хорошо, не будем замахиваться на глобальное. Но тогда хотя бы используем Книгу в личных целях, раз уж есть такая возможность.

— А чего тебе не хватает? — удивился Макар. — Хочешь замок в Британии? Или алмазы короны?

— Не придуривайся! — ответила Кузя. — Хочу узнать нашу судьбу на ближайшие сутки. Посмотри, что нас ждёт.

Макар открыл файл и уставился в экран.

— Если приземлимся в Вашингтоне — ничего хорошего.

— А есть другие варианты? — спросил Николай. — Как насчёт Каракаса? Крупный мегаполис, множество путей отхода. И аэропорт там вполне современный.

Макар выделил слово «Вашингтон» и заменил его на «Каракас».

— Работает! — заорал он. — Книга работает!

Кузя покосилась на Хавьера.

— Ещё бы! Если бы она не работала, этот… хм… юзер никогда не стал бы президентом.

Николай придвинулся ближе.

— Что ты там увидел?

— Надо запросить экстренную посадку и срочную госпитализацию президента, которому стало плохо. Мы покатим носилки, а Кузя и Эмили будут держать капельницы. Идиотская затея; но Книга говорит, что всё может получиться. И я ей верю.

— Молодец, справился, — похвалила друга Кузя, — а теперь пусти меня.

Она попыталась отодвинуть Макара, но тот двумя руками вцепился в ноутбук.

— Что ты хочешь сделать?

— Переслать ссылку на файл Ахайе. Это мой долг.

— Не дури! — сказал Николай. — Эта Книга — слишком сильное оружие. Никто не должен им владеть.

— Но почему?! — не сдавалась Кузя. — Риска никакого — в Элизиуме сумеют рассчитать все последствия. Мы наконец уничтожим Инферно, и наступит вечное царство добра и любви. Чем плохо?

44

Бестия вскочила и поклонилась в пояс.

— Спасибо, благодетельница! Я давно подозревала, что ты ко мне неровно дышишь!

— Ничего личного, — огрызнулась Кузя, — такова историческая необходимость. Если не мы, то доступ к Книге судеб может получить Инферно. И тогда распахнутся врата Ада, падёт стена между ним и нашим миром.

Чертовка презрительно фыркнула.

— А разрушить стену между миром и Элизиумом — это не апокалипсец? «Это другое», как у вас говорят?

Кузя дёрнула Николая за рукав.

— Скажи хоть ты ей!

— Да, — подхватила чертовка, — объясни несознательному элементу, что он должен радостно пойти на убой!

— Кузя, не начинай, — попросил Николай, — Бестия права. Не знаю, как раньше, но сегодня всё держится лишь на нынешнем хрупком равновесии. Ты же сама видела, как оно неустойчиво, как легко качнуть его любым неосторожным решением. Нелепая ошибка может стать чёрным лебедем, резко меняющим баланс вашего противостояния. Но стоит нарушить равновесие, и мир полетит ко всем чертям (Бестия, извини).

— К каким, к чёрту, чертям?! — завелась Кузя. — Что ты хочешь этим сказать?

— Пойми ты простую вещь, — терпеливо ответил Николай, — если уничтожить Инферно, Элизиум очень скоро разделится на две партии, и через тысячу лет всё вернётся на круги своя. Но за это тысячелетие смуты Земля сто раз умоется кровью. Дай ты людям пожить нормально, они ведь ещё даже не начинали.

— Полкан прав, — вмешалась Эмили, — если зло не из чего будет делать, его сделают из добра.

— О! Кажется, у нашей малышки голос прорезался! — воскликнула Кузя.

— Подруга, меньше всего хотела бы с тобой спорить, — ответила Эмили, — но сейчас ты реально тупишь. Вспомни историю с Люцифером. Элизиум буквально молится на положительный тропизм; если он захватит абсолютную власть, ангелы создадут нового светоносного, и всё начнётся заново. А в итоге придёт к тому, что имеем — но уже после кровавых разборок, которых можно избежать.

Макар постучал по столу, привлекая внимание.

— Так что решили, други? Удаляем файл?

— Нет! — в один голос выкрикнули Кузя и Николай.

Никто не знал, насколько сильна связь Книги судеб с человечеством. Но проверять это явно не стоило.

— Можешь его как-нибудь спрятать? — спросил Николай. — И зашифровать?

— Это можно, — ответил Макар и, поколдовав над клавиатурой, поднял голову. — Готово! Зашифрован и отправлен туда не знаю куда.

— А точнее?

— В облако по рандомному адресу.

— Отлично! — сказал Николай и взял Хавьера за локоть.

— Не волнуйтесь, господин президент. Вы проспите несколько часов, затем проснётесь с головной болью. И уже завтра сможете продолжить свою работу.

— Не надо, — попросил Хавьер.

— Надо, — возразил Николай. — Вы же слышали наш разговор. Вашей жизни ничто не угрожает.

Кузя подошла к Хавьеру, до упора вонзила шприц в его бедро и надавила на поршень.

45

Машину скорой помощи сопровождал полицейский патруль, и скрыться друзьям удалось лишь в больнице. Передав спящего президента реанимационной бригаде, они вышли через чёрный ход и смешались с толпой. Через несколько минут здание больницы было оцеплено.

— Успели! — сказал Николай.

Он поднял руку, останавливая такси. До автовокзала друзья ехали молча, разговаривать не стоило. Выйдя из машины, сразу разделились, как будто не знали друг друга. Вновь встретились уже в Гуаренасе, на террасе летнего кафе. Кузя вынула из кармана платок и вытерла пот со лба. Чертовка усмехнулась, достала из-под стула кончик хвоста и стала обмахиваться им, как веером; скилл отвода глаз делал её незаметной для окружающих.

— Что, жарко? — ехидно спросила Кузя. — Неужели в Инферно прохладнее?

— Не ссорьтесь, — попросил Николай, — я понимаю, мы все на взводе…

Кузя подняла бокал с пивом, сделала глоток, поморщилась и отставила бокал в сторону.

— Ахайя ведь не успокоится. Он весь Элизиум поставит на уши, все будут искать этот файл. И найдут — рано или поздно.

— В Инферно тоже все будут искать, — сказала чертовка. — И неважно, кто его найдёт — в любом случае мало никому не покажется. По-моему, мы всё же необдуманно отпустили Книгу. Надо было ещё как-то подстраховаться.

— Я подстраховался, — сказал Макар, — изменил код доступа.

— Который шестьсот шестьдесят шесть? — спросила Кузя.

— Был шестьсот шестьдесят шесть, — ответил Макар, — а теперь шестьсот сорок.

— И что это значит?

— Что теперь доступ к Книге будет только у избранных. И это будет доступ только на чтение.

Кузя нахмурилась, складывая в уме новый пазл.

— Постой-постой! Но ведь тогда это будет Книга ответов!

Макар широко улыбнулся.

— Точно! Книга судеб и Книга ответов — это одна и та же книга, но с разными правами доступа.

— То есть ты сделал то же, что когда-то сделал Гутенберг? Защитил текст Книги от перезаписи?

— Да, — кивнул Макар, — потому что фальсификация истории уже вышла за все разумные рамки. Этот кризис пора было гасить.

— Дело не только в фальсификации, — вмешался Николай, — всё гораздо хуже. Веками Книга судеб была закрыта, и это ограничивало роль личности в истории. Любой авантюрист, взлетевший на вершину власти, на поверку оказывался ставленником неких сил, стоящих за ним и продвигающим его. Люди привыкли считать, что историю движут силы явные или скрытые, но всегда гигантские, воистину тектонические. Для одних это борьба классов, техническое и экономическое развитие; для других — корпорации, рокфеллеры-ротшильды, масоны и прочие рептилоиды. В любом случае это всегда было что-то масштабное. Но когда Книгу перенесли на редактируемый носитель, на неё наткнулся один честолюбивый читер. В итоге президентом стал клоун, за которым нет ничего, кроме трескучих фраз.

— Да и те людоедские, — добавил Макар.

Кузя тяжело вздохнула.

— Ахайя будет рвать и метать, — сказала она, — но, надеюсь, ты поступил правильно. Пусть эта Книга остаётся закрытой для всех.

— Не для всех, — возразила чертовка, — Макар, как всегда, недоговаривает. Шестьсот сорок это…

Она замолчала, давая Макару возможность продолжить.

— Теперь права на перезапись Книги судеб есть только у суперпользователя, — ответил тот, — что бы под этим ни подразумевалось.

— А кто суперпользователь нашего мира? — спросил Шаман.

— Боюсь, этого мы никогда не узнаем, — ответила Кузя.

46

Друзья уже собрались уходить, когда к их столику подошёл высокий худой мужчина в тёмных очках. Бородка эспаньолка и густые усы не могли скрыть глубоких носогубных складок.

— Разрешите? — спросил он и, не дожидаясь разрешения, присел к столу.

— Вы кто? — спросил Николай.

— Не узнали? — усмехнулась чертовка. — Это же тот самый подпоручик.

— Сиськивиллус? — спросил Макар.

Эмили с силой наступила ему на ногу, но было уже поздно. Трикстер на миг приподнял очки и тут же вернул их на место.

— Шутки здесь шучу я.

— А для этого нужна лицензия? — хотел спросить Макар, но вместо этого из его рта вырвалось нечленораздельное:

— Нано лицерия… Ливерная…

Он испуганно посмотрел на друзей.

— Чё за хамон?! Блям! Чё со мну?!

Чертовка сочувственно похлопала его по плечу.

— Лучше помолчи. Тогда оно само пройдёт.

— Споры? — промычал Макар.

— Видимо, только завтра, — ответила чертовка, — если повезёт.

Титивиллус в упор посмотрел на Николая.

— Вы сломали мою любимую игрушку!

— Это не игрушки, — сухо возразил Николай, — это судьбы мира.

Он собрался ещё что-то добавить, но чертовка жестом остановила его.

— Вилли! — проникновенно обратилась она к трикстеру. — Тебе что, мало игрушек в инете?

Узкие губы Титивиллуса растянулись в довольной улыбке.

— О, да! Инет! Демократия, либерализм, фашизм, национализм… Стоит запутать значение слова, и вокруг него мгновенно разгораются многолетние срачи. Юзеры такие забавные! Им бы один раз договориться об определениях; но они предпочитают сталкиваться медными лбами в режиме нон-стоп.

— Им бы понедельники взять и отменить, — хотел сказать Макар, но вышло у него, конечно, что-то несуразное:

— Ямбы и подельники, взятки обманить…

Эмили выразительно посмотрела на Макара, и он пристыженно замолчал.

— Ты прав, Вилли, — сказала Бестия, — эти белковые буквально помешаны на словах. Для них особый кайф оторвать слово от сущности, означающее от означаемого, а затем вертеть его самым противоестественным образом. Если бы Логос был мёртв, он бы крутился в гробу бешеной динамо-машиной.

— Если Логос умер, то всё позволено, — хотел сказать Макар.

— Ели логи убер… — начал он и прикусил язык.

Чертовка поморщилась и подвинула к нему бокал.

— Иногда лучше сосать, чем говорить!

— Воистину! — согласился Титивиллус.

— Вилли! — продолжила чертовка. — Ты ведь понимаешь, что игры с Книгой судеб чреваты. После них на Земле может не остаться не только инета, но и письменности. В четвёртой мировой будут биться дубинками — помнишь?

— Да помню, помню, — отмахнулся трикстер, — но я ведь тоже не играю в кости. Я контролирую процесс.

— Уже нет, — возразила чертовка. — И пожалуйста, отнесись к этому с пониманием. Если смотреть шире, мы ведь спасли огромное поле для твоих игрищ. Слово «демократия» сейчас высвечивается на миллиардах экранов; но найди хотя бы двух юзеров, понимающих его одинаково!

— Это так, — нехотя согласился трикстер.

— И все они ждут, когда ты запутаешь их ещё больше — чтобы ринуться в бой за своё единственно верное понимание.

Трикстер усмехнулся и потрепал чертовку по загривку.

— Беська, ты хоть кого уговоришь! И угораздило тебя связаться с этими белковыми! Пойдём со мной, оттянемся — сейчас самое время подкинуть юзерам несколько мемов с Парижской Олимпиады.

Чертовка скорчила грустную гримаску и покачала головой.

— Как-нибудь в другой раз. Книга судеб теперь недоступна; значит, можно надеяться, что эта Олимпиада не станет последней.

— Как скажешь, бесова дочь!

Трикстер встал, вышел на улицу и мгновенно растворился в толпе.

— Аве, Сиськивиллус! Диванные легионы приветствуют тебя! — хотел сказать Макар, но вовремя сдержался.

47

Макар открывал и закрывал рот, по-рыбьи пуча глаза. Вид у него был нелепый и жалкий.

— Итог нетопырь мелом? — растеряно спросил он.

Что означало: «И что мне теперь делать?»

Чертовка пожала плечами.

— Помолчи денёк-другой, и оно само пройдёт. Чем меньше будешь говорить, тем быстрей восстановишься.

— Ноябрь за ногу мать! — воскликнул Макар.

«Но я не могу ждать!» — перевела про себя Эмили и поспешила утешить друга:

— Не переживай, у тебя и сейчас неплохо получается. Мы же тебя понимаем.

— Издеваешься?! — возмутился Макар.

Но тут же покраснел и опустил глаза, потому что из его рта непроизвольно вырвалось: «Раздеваешься?!»

— М-да, — признала Эмили, — получается пока что действительно не очень.

Она умоляюще посмотрела на чертовку.

— Беся, милая, вспомни, пожалуйста — может быть, есть какой-то способ помочь Макару? Страдает же человек.

Чертовка отрицательно покачала головой.

— Против лома нет приёма. Макар оскорбил трикстера, а трикстеры взяток не берут.

— Может, заклинание какое? — продолжала настаивать Эмили.

— Есть несколько трикстерских текстов, — неуверенно сказала чертовка, — возможно, что-то и сработает. Могу поискать. Но это без гарантии.

— Ну пожалуйста, пожалуйста! — засуетилась Эмили.

— Ладно, попробую, — согласилась чертовка.

И пошла к выходу ворча себе под нос: «Когда что-то надо, так сразу «милая», а когда не надо, то «крёстным знамением по наглой чёрной морде».

Через минуту она вернулась с небольшой книжкой в лапах. Макар ожидал старинного фолианта в потёртой кожаной обложке, но книга была вполне современной, хотя и слегка потрёпанной. Чертовка открыла её на нужной странице и ткнула в текст наманикюренным когтем:

— Читай отсюда.

— Only stayl… — начал Макар, но чертовка перебила его:

— С выражением читай! И убери эту дурацкую ухмылку, а то прилипнет — потом вовек не отдерёшь.

До Макара наконец дошло, что всё действительно может кончиться очень плохо. Он коротко прокашлялся и начал читать сначала:

— Он не стал палачом и вором,

он не стал блаженным святым,

за плечом его чёрный ворон,

его руки всегда пусты,

он по самой кромке, по краю

без оглядки идет, спеша,

даже тень его, замирая,

отстаёт от него на шаг.

Он всегда немного с приветом,
он дурак, он виден насквозь,
но в том мире так же, как в этом,
он такой же незваный гость,
он и там ошибка природы,
он и там лишь одной ногой,
джокер, выпавший из колоды,
пьяный сталкер, вечный изгой.

Он не с этими и не с теми,
трубный зов у него в крови,
он ни в матрицу, ни в систему,
не вписался, как ни зови,
не герой, не царь, не хранитель,
вечным голодом в ночь гоним,
он исчезнет в разрыве нитей,
и никто не пойдёт за ним.

Со своими злыми дарами
он не нужен ни там, ни тут,
он проходит между мирами,
медиатор, нелепый шут,
двух вселенных острые грани
он сшивает ниткой живой,
и граница между мирами
зарастает сорной травой.

Макар замолчал, прокручивая в памяти слова текста и звуки собственного голоса. Затем бросился к чертовке и крепко сжал её в объятиях.

— Получилось! Получилось! Спасибо, Беся, ты настоящий друг!

— Да ладно, чего там, — смутилась чертовка, — болтай на здоровье. Но если ещё раз назовёшь трикстера Сиськивиллусом, навсегда останешься косноязычным.

48

Через два дня самолёт компании «Conviasa» приземлился во Внуково. Друзья зашли в кафе аэропорта.

— Предлагаю вернуться в «Наумов», — сказал Николай. — Закончим там, где начали.

— Не стоит, — возразила Кузя. — Мы уже всё закончили. Расстанемся здесь.

Макар с надеждой посмотрел на Эмили.

— Ты с нами?

Девушка не ответила, даже не повернулась в его сторону.

— Что тебя тревожит? — спросил Николай.

— Хавьер всё ещё президент, — ответила Эмили. — Надеюсь, ненадолго; но не наломает ли он дров перед уходом?

Николай покачал головой.

— Не думаю. Без подключения к Книге судеб он пуст. Теперь люди смогут наконец разглядеть своего президента, оценить его программу и сделать выводы. Народ должен сам выбрать свой путь, и не нам в это вмешиваться. Достаточно того, что мы избавили мир от этой опасности.

Кузя подошла к Эмили и обняла её за плечи.

— В Китае есть такое понятие — «небесный мандат». Пока правитель владеет им, страна стабильна. Но как только небо отзывает свой мандат, на страну обрушиваются несчастья. И тогда правителя свергают, нередко даже казнят. Считай, что мы отобрали у Хавьера небесный мандат.

Слова Кузи не успокоили Эмили; вместо удовлетворения от выполненной работы у неё оставалось ощущение какой-то гнетущей незавершённости. Как будто они забыли что-то важное.

— Я вот что думаю — может, Бестия права, и мы слишком рано выпустили из рук этот файл? Царства приходят и уходят, одни низвергаются,

другие возвышаются. Хавьер утерял небесный мандат; но кто знает, кому он достанется в следующий раз. Не будет ли новый автократ ещё опаснее? Может быть, нам стоило хотя бы ненадолго придержать Книгу судеб? Пусть не для того, чтобы использовать, но хотя бы изучить. Мы ведь до сих пор не знаем, как она работает, когда она появилась, кто её автор. У нас нет ни одного ответа.

— Так обычно и бывает, — улыбнулась Кузя. — Полкан не Шерлок, тут уж ничего не поделаешь. Мы не отвечаем на вопросы, мы их снимаем. Позавчера сняли ещё один.

49

Макар оторвался от планшета и посмотрел на Кузю.

— Похоже, ты права — небесный мандат у Хавьера отозвали и у Аргентины начались серьёзные проблемы.

— А что случилось? — спросила Кузя.

— По приказу президента из страны вывезли весь золотой запас. Шестьдесят две тонны. Теперь его легко могут заморозить по требованию любого кредитора, с недавнего времени это перестали считать воровством. Одним росчерком пера Хавьер лишил Аргентину подушки безопасности.

— И вы до сих пор считаете, что мы всё сделали правильно? — спросила Эмили.

— Мы сделали свою работу, — ответил Николай. — Дальнейшее — дело аргентинцев; это их жизнь и их выбор. Мы не вправе решать за них.

Эмили отвернулась и посмотрела куда-то вдаль.

— Я уже поняла. Дело сделано, вопрос закрыт. Забудьте.

Макар тревожно посмотрел на подругу.

— Теперь ты уйдёшь?

— А должна? — спросила Эмили.

— Нет, конечно. Никто тебя не гонит. Но ты достойна бóльшего. Жить нормальной жизнью. Найти своё место в социуме. Быть счастливой. Утром уходить туда, где ты нужна, вечером возвращаться туда, где есть кого любить.

— Напугал! — улыбнулась Эмили. — Но в чём-то ты прав. Мне слишком хорошо с вами.

— А это плохо? — спросил Макар.

— Это нехорошо. Потому что это привязывает. Сделанный выбор сразу же ограничит множество потенциальных возможностей. Твоим друзьям нужна лишь прямая дорога, а я хочу видеть перед собой сад расходящихся тропок.

Макар нервно сглотнул.

— Зачем? Мы ведь уже выбрали единственный верный путь — делать, что до́лжно. Полкан, конечно, проклят; но иногда мне кажется, что он всё-таки получил какой-то небесный мандат. Столько раз спасал мир и не потерял никого из команды — это ведь о чём-то говорит?

— Может быть… — ответила Эмили. — Может быть, когда-нибудь я присоединюсь к вашей команде. Но пока я хочу держать окна возможностей открытыми.

— К чему этот риск? — страдальчески скривился Макар. — Ты же знаешь, что наш выбор правильный; а значит, все остальные будут… Будут отличными от него. У тебя огромный потенциал; если ты ошибёшься в выборе, в следующий раз мы можем встретиться врагами.

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — ответила Эмили. — Но давай хотя бы расстанемся друзьями.

2024